



ДЕНЬГА

АЛЬМАНАХ ДЛЯ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ И КЛАДОИСКАТЕЛЕЙ

В НОМЕРЕ:

Интервью с Ольгой Смирновой

Событие, перевернувшее мой образ жизни, произошло четырнадцать лет назад. Я работала в банке и услышала от нашего кассира историю о том, как ребята-инкассаторы в выходные дни нашли на распаханном поле старинные серебряные монеты. Я сразу решила, что это очень интересное и увлекательное занятие.

Пулы хивинского ханства начала XX века

Мелкие медные монеты изо дня в день перемещаются из кошельков покупателей в кошельки продавцов и тут же, выдаваясь на сдачу, снова уходят в кошельки покупателей, что приводит к повышенному механическому износу монет. Для чеканки разменной монеты, номинальная стоимость которой, как правило, значительно превышала стоимость материала, из которого отчеканены сами монеты, применялась медь или ее сплавы.

Пломбы контроля качества льна и пеньки в российских портах – обзор и примерная типизация

В XVIII-XIX веках процесс контроля и сортировки товаров, также известный как брак или бракование, был широко распространен. Браковали обычно сырье растительного или животного происхождения, такое как табак, масло, сало, щетина, поташ или смола. После бракования упаковки с товаром помещали специальными клеймами. Многие товары (в частности, масло конопляное и льняное) клеймили прямо на бочках – «на обоих днах», юфть метили черной краской, рогожи и воск браковали без клейм.

Гибель Адского Зайца

В лапах адский заяц держал что-то ромбическое, какой-то, как мне тогда казалось, адский языческий амулет. Перелопатив горы литературы и бесчисленное количество неоязыческих сайтов, я не нашел о своем «зайце» ровным счетом ничего. Временами я забывал о его существовании, но когда во время просмотра содержимого своих коробочек он попадался мне в руки, я застыл и долго задумчиво смотрел в его адское лицо.

Новый старый тип в классификации решетчатых перстней

Обретая государственность, Древняя Русь вливалась в общий культурный круг Византийской империи и других государств Европы, находящихся под влиянием культуры величайшей империи средневековья. Славяне не были исключением, и, учитывая развитие их культуры со времени великого переселения народов, многие образы римской культуры были ими хорошо усвоены и адаптированы к нуждам славянской культурной традиции.



FIND X

НОВИНКА

УЖЕ В ПРОДАЖЕ!

IP68

16 900 руб



Официальный дистрибьютор Nokta
в Российской Федерации
117246, Москва, Научный проезд, д. 19, пом. 45



РЕЙКОМ
ГРУПП

(495) 778 98 68
SALES@REICOM.RU
WWW.NOKTA-MAKRO.RU

Nokta
DETECTION TECHNOLOGIES

Оглавление

Шеф-редактор:

Ольга Викторовна Кузнецова

Руководитель проекта:

Вадим Рыбаков

Редакция:

Вадим Рыбаков
Алексей Шлыков
Алексей Джус
Алексей Кузнецов
Александр Рыбаков

Концепция:

Вадим Рыбаков

Дизайн и верстка:

Анна Симонова

Издатель:

ООО «РЕЙКОМ ГРУПП»

Редакция:

e-mail: vrybakov@reicom.ru

Служба распространения:

e-mail: denga@reicom.ru

Отдел рекламы:

e-mail: reklama@reicom.ru

Подписано в печать:

25.04.2025

«Деньга. Альманах для коллекционеров и кладоискателей» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-58180 от 29 мая 2014 г.

Мы в сети интернет:

denga.docdetect.ru

Тираж:

5000 экз.

За достоверность присланных материалов редакция ответственности не несет. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Редакция вступает в переписку с авторами интересных материалов.

При использовании любых материалов ссылка на альманах обязательна.

Гость номера

Вадим Рыбаков (DOC)

ИНТЕРВЬЮ С ОЛЬГОЙ СМИРНОВОЙ..... 3

Нумизматика

Анатолий Рожук

ПУЛЫ ХИВИНСКОГО ХАНСТВА НАЧАЛА XX ВЕКА 8

Исследования

Алексей Джус

ПЛОМБЫ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА ЛЬНА И ПЕНЬКИ
В РОССИЙСКИХ ПОРТАХ – ОБЗОР И ПРИМЕРНАЯ
ТИПИЗАЦИЯ..... 12

Live

Вадим Рыбаков (DOC)

НОВОГОДНЯЯ ВСТРЕЧА КЛУБА ПОИСКОВИКОВ
И КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ АЛЬМАНАХА «ДЕНЬГА» 20

Музеи

Вадим Рыбаков (DOC)

«МАНИФЕСТ-2025»..... 22

Находки

Ланс Цнинский

ГИБЕЛЬ АДСКОГО ЗАЙЦА 25

Александр Пеший

ИСТОРИЯ О ТРЕХ МОНЕТАХ..... 26

Версия

Евгений Иванов

МИФ О «ЗОЛОТОМ» ЧЕМОДАНЕ КЕРЧЕНСКОГО
МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ..... 28

Байки из клуба

НЕРАЗВЕДАННЫЕ СЕКРЕТЫ..... 35

В научный оборот

Сергей Тулупов

НОВЫЙ СТАРЫЙ ТИП В КЛАССИФИКАЦИИ
РЕШЕТЧАТЫХ ПЕРСТНЕЙ 36



Однажды, много лет назад, буквально через неделю после возвращения из Мадрида, я оказалась рано утром на старом Арбате. Настолько рано, что на улице почти никого не было, кроме дворников. Глядя на озаренные утренними лучами исторические здания, мостовую, фонари, вдруг подумала, что ведь иностранец, гуляя по Москве, получает такие же эмоции от своего путешествия, как мы за границей, и наш город вполне выдерживает конкуренцию с любой европейской столицей.

Парадокс в том, что чаще всего мы лучше знаем чужие города, чем свой: в отпуск мы для того и едем, чтобы узнавать что-то новое, а по родному населенному пункту бежим на работу и с работы, не поднимая глаз, не замечая, что бежим мимо архитектурных шедевров, богатейших музеев, роскошных парков и творений дизайнеров.

Я, например, гуляю с собаками возле усадьбы Нарышкиных, и это само собой разумеется, ничего удивительного, она же через дорогу от моего дома. А вообще-то люди приезжают сюда на экскурсии! У каждого есть такие примеры, думаю.

Как-то ходили мы на пешеходную экскурсию по Арбату, и впервые за всю жизнь я, которая на этом самом Арбате и родилась, подняла глаза и увидела, что на фасаде одного из домов стоит рыцарь. Столько лет я ходила мимо этого здания и ни разу не замечала этого!

Мимо Ленинской библиотеки каждый москвич проходил много раз, а вот кто из нас был внутри? И я не была до недавнего времени, а ведь читательский билет можно оформить в приложении за считанные минуты. Вход бесплатный, заходи в любой зал, читай книги, включая ноутбук, цепляйся к вайфаю и работай.

Что мы, собственно, и сделали в прошлую пятницу с коллегами. Мы решили провести необычный рабочий день, ведь не только удовольствия, но и работу нужно иногда разнообразить.

Чтобы правильно начать утро, позавтракали в «Докторе Живаго», стильном ресторане при отеле «Националь». Классическая советская кухня, элитные интерьеры, всюду красные гвоздики, — то, что надо для подготовки к работе в самом сердце Москвы, в ста метрах от Кремля.



Вход в «Ленинку» — без особых сложностей, достаточно приложить к турникету код с телефона. Кроме читальных залов, есть и коворкинги со столами и розетками. Наша дружная команда еле уместилась за громадным столом. Мы работаем по гибриднему графику, поэтому все вместе собираемся крайне редко, и это была чудесная возможность пообщаться вживую, отчего день прошел на подъеме.

А вечером самые стойкие из нас отправились на экскурсию в дом Пашкова, откуда, собственно, и началась история библиотеки. Петр Пашков, капитан-поручик Семёновского полка, после выхода в отставку сильно разбогател на винных откупах и приобрел у генералыши Племянниковой участок на Ваганьковском холме, где за два года возвел шикарный дом, один из самых красивых в Москве, с круглым бельведером, увенчанным статуей Минервы, висятими садами и каменными бассейнами с фонтанами. Проект оказался настолько дорог, что практически разорил хозяина, который вскоре скончался. Дом пережил пожар 1812 года и запустение, был восстановлен за счет городской казны и сильно изменил свой облик. Здесь был Дворянский институт, а затем разместился Румянцевский музей с библиотекой.

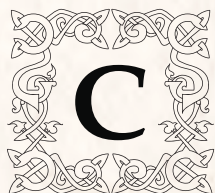
Мы прошли по старинным читальням, увидели рукописную картотеку, прикоснулись к шкафчику, которым владел Пушкин, прогулялись по бальному залу, занимающему все верхние этажи здания. В одном из читальных залов увидела женщину, которая работала со старинной рукописью, и это был не свиток и не стопка листов, это был огромный переплетенный рукописный том высотой около сорока сантиметров!

Вот так, всего за один день, без отрыва от работы, нам удалось погрузиться в историю одного из самых интересных московских исторических объектов.

И вам желаю чаще обращать внимание на невидимых рыцарей, ваша О. К.

Интервью с Ольгой Смирновой

Вадим Рыбаков (DOC)



Ольгой Смирновой мы познакомились на седьмом мастер-слете поисковиков, который проходил 18 июня 2016 года в ближнем Подмосковье. На нашем слете в качестве почетного гостя в шестой раз присутствовал регулярно посещавший в те годы наши мероприятия директор по региональным продажам компании First Texas Products (подразделение Fisher Research Labs), известный американский кладоискатель Майк Скотт. А для Ольги слет наверняка запомнился тем, что в чемпионате по идентификации целей она заняла призовое место (разделила второе-третье места) и приняла участие в розыгрыше MASTERS CUP — престижнейшего кубка, который разыгрывается на наших слетах. С тех пор Ольга регулярно участвует в наших слетах, часто занимает призовые места или побеждает в чемпионатах по идентификации целей, а также посещает встречи клуба поисковиков и коллекционеров альманаха «Деньга», которые с декабря 2016 года мы проводим на Арбате.

В. Р.: Ольга, расскажи о себе нашим читателям.

О. С.: Уроженка Шёлковской губернии. Закончила музыкальную школу. Хотела быть археологом, ветеринаром, криминалистом, но закончила МИНХ им. Г. В. Плеханова, факультет «Финансы и кредит», и работала по профилю: двадцать лет в банке и пятнадцать — главным бухгалтером в ООО.

В. Р.: Чем увлекаешься?

О. С.: Люблю путешествовать, искать в лесу грибы, на море — ракушки, в карьерах — окаменелости. В детстве собирала марки, значки, фантики от жвачки, открытки, монетки иностранных государств, потом юбилейные монеты СССР и «ходячку». Вообще поиск и собирательство — это мое. В выходные помогала родителям на даче в Подмосковье, и все было бы ничего, вот только дочку возмутил мой образ жизни: «Мама, что это за жизнь! Дом — работа, работа — дом. Никаких увлечений!» Вот тут я и призадумалась.

В. Р.: Когда ты впервые услышала о металлодетекторном поиске? Когда впервые взяла в руки детектор?

О. С.: Событие, перевернувшее мой образ жизни, произошло четырнадцать лет назад. Я работала в банке и услышала от нашего кассира историю о том, как ребята-инкассаторы в выходные дни нашли на распаханном поле старинные серебряные монеты. Я сразу решила, что это очень интересное и увлекательное занятие. У крестного моей дочери был металлоискатель, но он с ним не ходил и отдал его на время ребятам из Боровичей. Я попросила его при случае показать, как это

работает, и такой случай представился. Крестного пригласили на охоту в Боровичи, и ребята смогли мне продемонстрировать приборный поиск.

В. Р.: И сразу начались приключения?

О. С.: Мы приехали в Боровичи, но погода испортилась и утки не летали. Шел промозглый мелкий дождик и дул такой же противный ветер. Мы приступили ко второй части нашего плана — поиску. Потом нам друзья со смехом рассказывали со слов их же знакомых, как два идиота, стоя на набережной реки Мста почти в центре городка, пищали металлоискателем и долбили по набережной лопатой. Набережная построена при Петре I, сложена из природных валунов и оказалась наштагивана водочными пробками. Продрогнув, мы поехали в сторону поля. Улицы городка были пустынными и казалось, что никого вокруг нет, но на самом деле за нами, «ненормальными из Москвы», с нескрываемым интересом наблюдали из каждого окошка. Выехав за городок, мы попробовали походить по полоске перекопанного после картошки огорода. Ничего не нашли, но и там нас застучал, проезжая мимо, хозяин огородика. Прибор Fisher Cz 5 старался, но хозяин подкачал!

В. Р.: Но твой интерес это не охладило, как я понимаю?

О. С.: Несмотря на такое фиаско, интерес не пропал, но для себя я решила найти прибор попроще, так как «Фишер» для меня, конечно, был сложным и тяжелым.

В. Р.: Какой был твой первый приобретенный металлодетектор?

О. С.: Моим первым прибором, как и у многих, был Garrett Ace 150. Он подошел мне идеально: удобный, легкий, как раз для меня. Удивительно, но махать им получалось только левой рукой, хотя я правша, и это большой плюс — левой машешь, правой выкапываешь. Очень хорошо прибор отсекает всякую чепухину, которую с удовольствием берут навороченные приборы; это проверено на конкурсах «Копаю/не копаю». Конечно же, есть и минусы.

В. Р.: Какая была первая находка «Аськой»?

О. С.: О, она мне вынесла мозг: толстый кругляш из желтого металла, по окружности — зубчики, а посередине две прорези, ну точно монета Золотой Орды! Надеюсь, все определили, что это? Теперь работает у меня брелоком.

В. Р.: Что еще интересного находила с этим детектором?

О. С.: Когда только начинаешь заниматься металлопоиском, то каждая находка интересна, кроме пробок, хотя и пробки бывают необычные, например, пивные или водочные из ранних, если цвет сохранился.



С Garrett Ace 150 находила медные и серебряные крестики, створки складней, иконки и образки разных металлов, имперские монеты разных эпох, шикарные пятаки Екатерины II, пуговицы, пломбы, перстни-печатки, дирхемы, сьюлгамы... Так собралась небольшая коллекция. Каждая находка должна быть идентифицирована относительно времени и эпохи, иначе это не коллекция, а склад. Процесс очень интересный и затягивающий. Учитывая, что я еще и историю люблю, то и туда приходится погружаться.

А сколько было выкопано траков и прочих запчастей от тракторов, топоров и подков! Garrett Ace 150 это обожает находить. Один трак — зуб, как буква «Л», от трактора «Путиловец», был передан в местный музей. Позже траки пригодились и для нашего трактора, но это потом.

В. Р.: С какими приборами еще приходилось заниматься поиском и что интересного ты с ними нашла?

О. С.: С 2010 года на протяжении восьми лет я ходила только с Ace 150, в 2019 году меня убедили перейти на EQUINOX 800. Привыкала я к нему долго и мучительно, но мучения были вознаграждены находками. Теперь он мне и на конкурсах тоже помогает, но и Garrett Ace 150 не забываю, периодически выгуливаю.

В. Р.: Приходилось находить клады, золото?

О. С.: Нет, не приходилось клады находить, и с золотом я еще не встретилась. Ювелирка серебряная или позолоченная была. Но иногда чердак со старыми вещами равноценен кладу.

В. Р.: А метеориты?

О. С.: Есть небольшая коробочка с находками, похожими на метеориты, но еще не добралась до определения.

В. Р.: Как ты относишься к пляжному поиску?

О. С.: На пляжах не копала, а вот на берегу водохранилища на траве нашла серебряное колечко, хотя это место пляжем назвать сложно.

В. Р.: Тебе приходилось заниматься поиском на чердаках и в подвалах старых домов? Какие были находки?

О. С.: О, этим вопросом ты наступил на большую мозоль. Еще как, но не с металлоискателем! Я ишу предметы старого быта, это очень интересная тема. В подвалах попадалась империя, под полами потерянные крестики, монетки, ничего примечательного.

А вот, к примеру, на чердаке нашего домика в деревне был найден медный оклад иконы. Сама икона не сохранилась (доска), только оклад, и надписи около некоторых святых были утрачены, а в интернете аналога я не нашла. И, конечно же, мне стало интересно, кто на ней. Было понятно, что это Спас Вседержитель (икона Спаса Вседержителя — это поясное изображение Господа Иисуса Христа. Правой рукой Он благословляет, а левой держит открытое Евангелие), слева Божья Матерь, справа Иоанн Креститель, но вот почему двенадцать фигур ниже — по четыре в три ряда? Кто они?

Все, видя двенадцать фигур предстоящих, огульно утверждают — конечно же это двенадцать апостолов!

А какие это апостолы? Те, которых сразу выбрал Христос? Но среди них Иуда Искариот, который предал Христа, тогда их должно быть одиннадцать. После самоубийства Иуды Апостолы бросили жребий между сорокью учениками, и жребий пал на Матфея, итого двенадцать. Кажется, что задача решена, ан нет. Апостол Павел не входил ни в число двенадцати, ни в число семидесяти, как Лука и Марк, а на иконе они есть. Решение задачи существует, но это уже домашнее задание на любителя. Можно, конечно, не «заморачиваться» и коллекционировать иконы как красивые картинки, не вникая в их суть... И еще одна интересная деталь, изюминка в написании имени апостола, начеканено — «Марко», и



это не ошибка. Именно так оно пишется в акафистах и молитвах ко Святому Апостолу Марку. Видимо в конце XIX-го века написание изменилось и букву «О» заменил «Ъ».

Какой была икона под окладом, живописной или подокладной (без проработки фона, одежды и прочего), неизвестно.

В. Р.: Ты много знаешь об иконах, расскажи подробнее?

О. С.: Мне приходилось находить иконы, написанные на металле, доске и даже на куске щепы, так называемые «щепные» или «щепковые», но часто для этой цели брали кусок луба, откуда пошло и другое их название — «лубочные» иконы. Техника изготовления таких икон была простой: лубок или щепу обрабатывали только с лицевой стороны, поэтому обратная поверхность полностью сохраняла фактуру дерева. Беря такую икону в руки, можно посадить пару заноз.

А вы знаете, что существуют еще «адописные» иконы? Это когда под окладом или верхним красочным слоем изображался черт либо к лику святого пририсовывались рога. Были распространены в XIX веке в крестьянской среде. Так что будьте бдительными.

В. Р.: Назови самую интересную лично для тебя сделанную тобой находку, самую древнюю и самую дорогостоящую.

О. С.: Самые интересные для меня — створка энколпиона с Николой Можайским, наконечник копья и печатки. Древние — уделки, домонгол. А дорогостоящих у меня нет.

В. Р.: У тебя есть какие-либо ритуалы или приметы, связанные с поиском?

О. С.: Не суеверная, с духами не общаюсь. Но есть закономерность — не взяла запасные батарейки — обязательно прибор разрядится или фонарик погаснет в самый неподходящий момент, аналогично с аккумуляторами.

В. Р.: Расскажи об интересных, необычных, смешных или мистических случаях, происходивших с тобой на копе.

О. С.: Необычная история — это молодая женщина, в одиночку шагающая по полям и лесам без навигатора, по картам, распечатанным из Яндекс. Копари выражали уважку и респект, но мысленно крутили указательным пальцем у виска. Так продолжалось три года, пока не появился

напарник, впоследствии ставший спутником не только на копе, но и по жизни. И большинство копарей завидовало нашему тандему, так как их половинки не разделяли такое увлечение.

Смешные истории тоже были. Около села Пурех в Нижегородской области есть поле, на котором на протяжении нескольких столетий проходили ярмарки. Поле битое-перебитое, но после перепашки постоянно что-то выскакивает. Ходить по полю не запрещают. В тот день нам повезло, мы ходили по полю за трактором. Я нашла серебряный крестик и несколько монет, убитых временем и удобрениями, так называемую «целебную» медь. Тракторист пахал и наблюдал за нами, но потом не выдержал и спросил, что мы такое делаем. Тракторист был совсем не местный, из другого региона и явно не в теме... Я ответила, что на поле мы ищем монетки. Тракторист удивленно спросил: «А кто их тут разбрасывает?»

Одна история произошла не совсем на копе, но связана с находкой. Не знаю, насколько мистическая, но моя подруга убеждена, что таких совпадений не бывает.

2014 год, знакомый копарь подкинул мне на определение найденные медальончики. Ему в инете копать некогда, но подробности узнать интересно. Среди прочих один медальон был католический, со Святым Антонио Падуанским, самым любимым святым среди католиков всего мира. Он покровительствует

путешественникам, помогает найти потерянные вещи и обрести настоящую любовь. Его праздник отмечают 13 июня и тысячи паломников стекаются к нему. Собрannую информацию и медальон я вернула копарю, а потом неоднократно сталкивалась с этим святым при разных обстоятельствах.

В 2015 году поехала в Италию навестить подругу. За два дня до моего отъезда знакомый, который любит историю, предложил нам поехать в Падую — посмотреть музеи и базилику Святого Антонио. Было как раз 13 июня, множество людей стеклось к базилике, к мощам святого стояла длинная очередь. Своей подруге я рассказала о «знакомстве» со святым задолго до своей поездки. Она тут же восторженно зашебетала, что это не случайно! Мы протиснулись сквозь толпу вовнутрь и стали рассматривать фрески и скульптуры католической церкви, как вдруг оказались около склепа, так сказать, с черного хода. Просить у святого мне было нечего, так как они там наверху и так все про меня знают. А в ноябре мне сделали предложение. Уж не знаю, Антонио поспособствовал ли, но моя подруга убеждена, что он.

В. Р.: Ты когда-либо сотрудничала с археологами, с музеями? Расскажи об этом.

О. С.: С археологами не работала, а вот с местными музеями — да. Туда меня привели копары. Когда поиск был не запрещен и все ходили открыто по по-

лям, я познакомилась с ребятами из города Пушкино Московской области, которые общались с директором Пушкинского краеведческого музея Бойко О. В музей было передано более сорока предметов.

Также на протяжении семи лет сотрудничала с МБУК «Мытищинский историко-художественный музей». Мною было передано в музей более трехсот предметов, в том числе изделия из фаянса, нумизматика, металлопластика, одежда, книги. Отдельное спасибо хочу выразить копарям из города Боровичи, которые помогли найти для музея ткацкий деревенский станок XIX века. Он занял главное место в музейной экспозиции. Переданные нами ступа с пестом, жернова тоже вызывают огромный интерес, в первую очередь у детей. На детский вопрос «почему у ступы трещина» работник музея ответил, что по вечерам баба-яга летает по музею в ступе, и когда однажды к ней прилетела в гости другая баба-яга, они случайно столкнулись. Ткацкий станок отреставрировали и торжественно презентовали 08.07.2019, о чем был снят репортаж местным телевидением и опубликована небольшая заметка в прессе:

МЫТИЩИ, ГАЗЕТА «НЕДЕЛЯ В ОКРУГЕ»:

«В Мытищинском историко-художественном музее можно увидеть ткацкий станок XIX века.

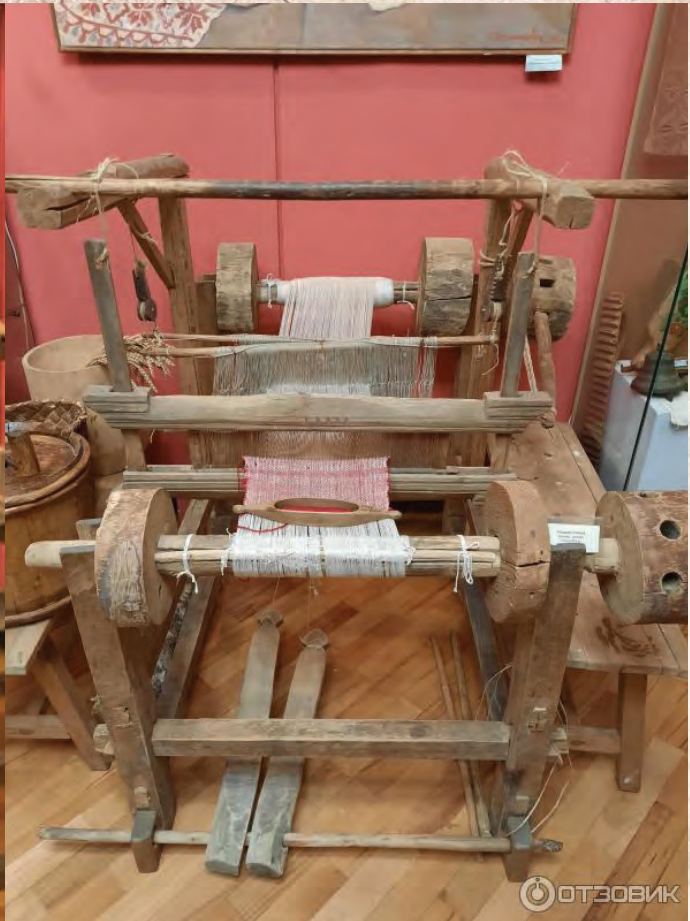
8 июля 2019 г. По сообщению регионального министерства культуры Московской области, в течение нескольких месяцев проводилась реставрация ткацкого станка XIX века. Теперь он занял почетное место в экспозиции Мытищинского историко-художественного музея.

Посетители смогут не только узнать, как выглядело данное оборудование, но и, благодаря талантливым реставраторам, посмотреть на его работу в действии, прикоснуться к ремеслу ткачей прошлого. Увидеть ткацкий станок и другие предметы русского народного быта можно в интерактивной программе «Живая старина». Она подробно рассказывает о предназначении каждого предмета, дает представление о быте и укладе жизни крестьян, знакомит с традициями русского народа».

В. Р.: Копала ли ты по войне?

О. С.: Я не хожу по войне —





опасно, нужны определенные знания и навыки. Но вот вернуть память близким о родных, участниках войн, мне удалось.

В. Р.: Ты сама чистишь свои находки? Как их хранишь?

О. С.: Если на медных монетах рельеф более-менее — хозяйственным мылом, кипячу. Ярославским монеткам очень это понравилось, лежат в альбомчике. Серебро — лимонная кислота, «советы» — в зависимости от сохранности: одни монеты достаточно помыть и зубной щеточкой потереть, а с другими мудришь.

В. Р.: Ты что-нибудь коллекционируешь?

О. С.: Я не сторонник простого коллекционирования красивых предметов. Мало найти и положить на полочку, мне важна история моего найденщика. С нумизматикой просто, а вот с металлопластикой... Я коллекционирую лишь то, что нашла, в том числе и подковы, замки навесные, топоры.

Металлопоиском не всегда можно заниматься. Летом, когда трава выше головы, катушкой не помашешь, но у меня была альтернатива — поиск предметов крестьянского быта по «заброшкам» (заброшенным деревням). Сначала искала для музеев, потом дубли стали оседать у меня, так сформировалось еще одно направление моего коллекционирования — графинчики, пузырьки, стеклянная посуда, гончарные изделия.

В. Р.: В каких регионах нашей страны ты занималась металлодетекторным поиском? За границей когда-нибудь копала?

О. С.: Копала в Московской, Ярославской, Нижегородской, Новгородской, Тульской областях, в Мордовии. Очень теплые воспоминания о ребятах-копателях Вадиме, Игоре, Гене из г. Боровичи Новгородской области, они помогли собрать предметы крестьянского быта для музея, а также организовали ночлег, когда я приехала с дочкой. За границей копать не доводилось.

В. Р.: Ты часто участвуешь в наших слетах, занимаешь призовые места в чемпионатах по идентификации целей. Основная причина, по которой ты приезжаешь на слеты?

О. С.: На наши слеты приезжаю в первую очередь для общения с коллегами. Во вторую — идентификация, соревнование, азарт. В поле ты никогда не скажешь, что у тебя под катушкой, а тут есть возможность проверить себя, насколько ты понимаешь свой прибор.

В. Р.: Твои пожелания коллегам по хобби?

О. С.: Сейчас все настолько копано-перекопано, да и времена настали тревожные в определенных регионах, поэтому пожелаю быть осторожными, осмотрительными и везучими.

А еще хочу поблагодарить мою доченьку Алёну за то, что вовремя направила и вдохновила на поиск хобби, которое впоследствии не только раскрасило новыми красками мою жизнь и подарило мне встречи с интересными людьми, но еще и кардинально изменило ее.

Пулы хивинского ханства начала XX века

Анатолий Рожук



В журнале «Деньга» № 41 был опубликован материал о серебряных тенге Хорезма конца XIX — начала XX века.

Тема нынешнего исследования: медные монеты Хорезма — пулы того же исторического периода.

Роль медных монет в экономике Хивинского ханства

Мелкие медные монеты¹ многие века были главными тружениками товарно-денежных отношений, являясь разменной монетой², обслуживающей рынки. Ими невозможно оплатить дорогие и крупные покупки. Сегодня на российском рынке подобную роль играют монеты номиналом 1, 2, 5 и 10 рублей. Чтобы оплатить

в магазине покупку смартфона монетами указанных достоинств, вам придется сначала принести в магазин тяжелый мешок с монетами, а потом вас еще куда-нибудь еще и пошлют... менять деньги.

Разменной монетой невозможно не только оплатить дорогие покупки, но и сделать накопления, поскольку ее ценность условна и имеет ограничения.

Медные пулы, являясь разменной монетой, удовлетворяли потребности расчетов при повседневных мелких покупках товаров и продуктов, обеспечивающих обыденную жизнь. В них производились и производятся расчеты между продавцом и покупателем с максимальной точностью. Эта ниша рынка самая динамичная, характеризуется быстрой оборачиваемостью наличных денег. Мелкие медные монеты изо дня в день перемещаются из кошельков покупателей в кошельки продавцов и тут же, выдаваясь на сдачу, снова уходят



Иллюстрация 1. Восточный базар. Бухара. Картина В. В. Верещагина, 1872 г.
Источник: <https://fotostrana.ru/user/post/62027211/1513539177>



в кошельки покупателей, что приводит к повышенному механическому износу монет.

Для чеканки разменной монеты, номинальная стоимость которой, как правило, значительно превышала стоимость материала, из которого отчеканены сами монеты, применялась медь или ее сплавы.

Основной особенностью разменной медной монеты является ограничение территории применения. Как правило, это рынок столичного города, а про города соседнего ханства и говорить нечего. Пулом Хивинского ханства невозможно было расплатиться на рынке в соседней Бухаре, бухарский пул никто не признавал на рынке Хивы. Золотые и серебряные монеты подобными ограничениями не были обременены и свободно принимались на любых рынках иногда с незначительной коррекцией стоимости, но, как правило, дешевле стоимости веса благородного металла. Поэтому, если у удачливого рыночного торговца скапливалось много медных монет, он регулярно обменивал их на серебряные теньге, и уже в них, а еще лучше в золотых тиллях, формировал свои долгосрочные накопления.

Так, из-за территориальных ограничений и непривлекательного внешнего вида затертых медяшек, кочующих изо дня в день из кошелька в кошелёк, за ними закрепилось презрительное народное название «кара-пул» — «черный пул».

История чеканки и описание медных пулов

Медные пулы ханами Хорезма чеканились с перерывами в течение XIX века. Такая практика сохранилась и во время правления в Хивинском ханстве Мухаммад Рахим хана с 1864 по 1910 годы. Его медные монеты обслуживали мелкие повседневные торговые сделки и ходили на территории ханства. Известен регулярный чекан медных пулов этого хана в период с 1296 по 1326 годы хиджры (1879–1909 годы)³.



Иллюстрация 2. Пул Хивинского ханства 1321 года хиджры. Год указан в две строчки. В верхней строчке две цифры и в нижней строчке две цифры. Вес 2,46 гр. Размер 15-18 мм

Пулы Хорезма — небольшие медные монеты, имевшие вес 2,3–2,6 граммов и размер 14–17 миллиметров.

Монеты эти имеют разнообразную форму, практически любую, но только не круглую. Они чеканились

по той же технологии, что и серебряные теньге, на заранее произведенных заготовках — обрубках медных пластин или толстой проволоки. На большинстве этих медных монет по всему монетному полю с одной стороны проходит стык двух загнутых и прижатых друг к другу сторон пластин, ставших основой для заготовки. Можно предположить, что заготовка производилась путем нарезания полос из листа меди. Толщина разрезаемого медного листа не удовлетворяла требованиям к толщине и весу будущей монеты, и заготовку дополнительно сгибали еще раз, достигая тем самым нужных толщины и веса.

Монетная легенда

Из-за маленького размера монетные легенды аверса и реверса предельно лаконичны.

Аверс: خوارزم «Хварезм», то есть Хорезм, в круговом обрамлении в виде двух кругов, внутреннего и внешнего, соединенных между собой штрихами-перемычками, называемыми «лесенка».

Реверс: فلوس «Фулус» в круговом обрамлении в виде двух кругов, внутреннего и внешнего, соединенных между собой штрихами-перемычками, называемых «лесенка». Тут же указывался год чеканки.

Встречается два варианта написания года чеканки на монете. В первом варианте год указан четырьмя цифрами в две строчки: в первой, верхней, строчке — три первые цифры года, во второй, нижней, строчке — одна.

Во втором варианте год указан также в две строки, но в первой, верхней, строке имеются только две первые цифры года, а во второй, нижней, строке — следующие две цифры года.

Из-за маленькой площади и разнообразной формы заготовок, использовавшихся для чеканки, штамп при ударе по заготовке полностью на монету не попадал.



Иллюстрация 3. Прорисовка монетной легенды пула Хивинского ханства 1321 года хиджры. Год указан в две строчки. В верхней строчке две цифры и в нижней строчке две цифры



Иллюстрация 4. Прорисовка монетной легенды пула Хивинского ханства 1324 года хиджры. Год указан в две строчки. В верхней строке три цифры и в нижней строке одна цифра

Прочеканивалась только часть лаконичной монетной легенды, которая могла выглядеть относительно полно или с существенными изъянами. Так, на монетах часто отсутствует круговое обрамление или его часть.



Иллюстрация 5. Пул Хивинского ханства 1320 год хиджры. Год указан в две строчки. В верхней строке три цифры и в нижней строке одна цифра. Вес 2,45 гр. Размер 11–18 мм

Курс медных пулов за время правления Мухаммад Рахим хана менялся и составлял в разное время от 24 до 36 монет⁴ за одну серебряную теньге. Эти колебания курса происходили по разным причинам, таким как изменение веса серебряного теньге, изменения стоимости серебра в ханстве, декларативных изменений покупательной способности теньге и покупательной способности пула.

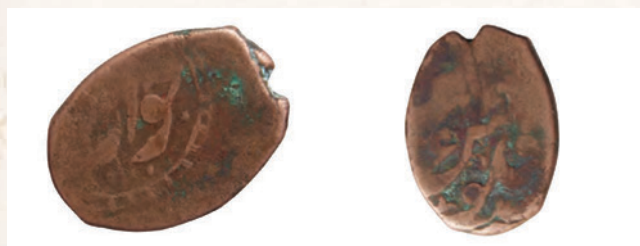


Иллюстрация 6. Пул Хивинского ханства 1326 год хиджры. Год указан в две строчки. В верхней строке три цифры и в нижней строке одна цифра. Вес 2,29 гр. Размер 14–17 мм

Пишем фулус, подразумеваем пул

На реверсе монеты написано **فولوس** «фулус», и это при том, что номинал монеты звучит как «пул».

Как это объяснить?

Мусульманский Хорезм ведет отсчет своей истории с завоевания территории арабами в 712 году. Арабы принесли с собой много нового, в том числе новую религию — ислам, новую письменность на основе арабского алфавита и новые монеты — золотые динары, серебряные дирхемы и медные филсы.

Шли годы, арабов вытеснили из Хорезма другие завоеватели. Со временем за арабским языком в Хиве осталась только религиозная функция, он был вытеснен из обихода местных жителей, вернувшихся к своему исконному восточноиранскому наречию и языкам последних тюркских завоевателей — узбеков. Письменность этих языков сохранила арабский алфавит. Часть арабских слов вошла в местные диалекты, но часто с другими значениями.

Так в монетных легендах государств Средней Азии сохранилось слово «фулус» произошедшее от арабского «филс», обозначающее не номинал монеты, как при арабах, а имеющее совершенно другое значение. Теперь слово «фулус» давало определение, что монета отчеканена из меди.

Такое значение слова «фулус» особенно ярко проявляется в монетных легендах монет Хорезма 1337 года хиджры, номинированных в 1, 2,5, 5 и 15 теньге, но отчеканенных не в традиционном для теньге серебре, а в меди. На них прямо указано «фулус пять теньге» или «пять теньге фулус», то есть «Пять теньге медной монетой».

На монетах, приведенных в пример, указан точный номинал (теньге), который отсутствует на пулах, но при этом сохранено и указание, что монета отчеканена из меди, то есть является медной (фулус).

Я остановился на термине «фулус» столь подробно потому, что не все коллекционеры правильно воспринимают название номинала медных монет Хивинского ханства и называют эту монету по-разному, то пул, то фулус.

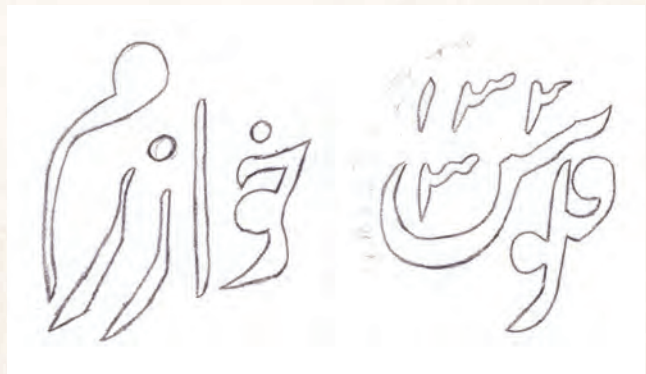


Иллюстрация 7. Прорисовка монетной легенды пула Хивинского ханства 1323 года хиджры.

Аверс: Хваризм. Реверс: Фулус. Год указан в две строчки. В верхней строке три цифры и в нижней строке одна цифра

В конце XIX и начале XX века медные монеты Хорезма с успехом выполняли свои функции и с территории ханства не вывозились. Для их вывоза не было экономических предпосылок, они никому не были нужны за границей ханства.

Февральская и октябрьская революции 1917 года и последовавшая за ними гражданская война оказали большое влияние на подвластные Российской империи народы и территории, в том числе и на Хивинское ханство. Под воздействием политических и экономических потрясений произошли изменения в финансовой сфере. Реакция хивинцев на произошедшие изменения была обычной, давно выработанной вековым историческим опытом: золотые и серебряные монеты были припрятаны до лучших времен. Медные же «кара-пулы» оказались никому не нужны и в большинстве пошли на переплавку.

Поэтому сегодня медные пулы Хивинского ханства, отчеканенные в конце XIX — начале XX века, стали нечасто встречающимися монетами. Находки пулов

по-прежнему ограничены территорией их практического применения и случаются исключительно в Хорезмской области Республики Узбекистан. Также исключительно редко они встречаются в хорошем и отличном состоянии. В нумизматических каталогах, в частности, «Краузе», медные пулы в хорошей сохранности оцениваются всего лишь в два раза дешевле серебряного тенге того же периода.

Коллекция монет Хивинского ханства без медных пулов, конечно, будет неполной. Коллекционеры, интересующиеся историческими монетами Средней Азии, сегодня стараются заполучить такие монеты в свои коллекции. То, что люди к этим монетам когда-то отнеслись презрительно, сегодня сделало их редкими и малодоступными. Для коллекционеров медные пулы — ценное и желанное приобретение.

Монеты, размещенные на иллюстрациях — из личной коллекции Рожука А. И.

¹ Х. Финглер, Г. Гироу, В. Унгер Словарь нумизмата. Москва «Радио и связь» 1982 г. Стр. 151. Медная монета.

² Х. Финглер, Г. Гироу, В. Унгер Словарь нумизмата. Москва «Радио и связь» 1982 г. Стр. 230. Разменная монета.

³ George S. Cuhaj – 2013 Standard catalog of world coins (1901–2000) (40th edition). Стр. 389.

⁴ Vladimir NASTICH and Wolfgang SCHUSTER, Catalog of Pre-Modern Central Asian Coins 1680–1923. Moscow and Vienna 2016. Стр. 209.



Пломбы контроля качества льна и пеньки в российских портах – обзор и примерная типизация

Алексей Джус



Вслед за систематизацией российских таможенных пломб настало время обратиться к другому виду пломб, которые также связаны с внешней торговлей, представлены в огромном количестве, но пока довольно плохо изучены. Сведения о таких пломбах приводятся в основном в иностранных источниках, хотя это объяснимо, поскольку более 99% таких пломб находят в Европе, от Норвегии до Португалии, но главным образом в Великобритании. Это пломбы контроля качества экспортного сырья.

В XVIII – XIX веках процесс контроля и сортировки товаров, также известный как брак или бракование, был широко распространен. Браковали обычно сырье растительного или животного происхождения, такое как табак, масло, сало, щетина, поташ или смола. После бракования упаковки с товаром помечали специальными клеймами. Многие товары (в частности, масло конопляное и льняное) клеймили прямо на бочках – «на обоих днах», юфть метили черной краской, рогожи и воск браковали без клейм. Свинцовые пломбы применялись только для двух товаров – льна и пеньки, а также их отходов – пакли.

Крупнооптовая торговля России с Европой была сосредоточена большей частью в портах. К сожалению, пока плохо разработана тема брака в портах Прибалтики. Как известно, в начале XVIII века по итогам Северной войны со Швецией Россия получила на Балтике несколько крупных портов – Нарву, Ригу, Ревель (Таллин) и Пернов (Пярну), а в конце того же века еще и Либаву (Лиепая) в Курляндии, однако эти губернии во многом сохранили свою собственную правовую систему, а правительство в местные порядки вмешивалось редко.

Известны браковые пломбы, принадлежащие этим портам, например, с гербом Риги – скрещенными ключами, а также со щитом, который, возможно, представляет один из вариантов герба Нарвы. Но они довольно аскетичны по оформлению, и их изучение – дело будущего. Мы же сосредоточимся на наиболее распространенных пломбах, которые можно атрибутировать более полно. Большинство пломб от льна и пеньки, исходя из надписей на них, можно отнести к двум портам – Архангельску и Санкт-Петербургу.

Подробную классификацию российских пломб, найденных на британской земле, предложил английский исследователь Джон Салливан. В 2000 году он опубликовал статью о пломбах, найденных в

шотландском регионе Файф [1], а в 2012 году обобщил результаты изучения таких пломб в книге [2]. К сожалению, текущая обстановка не позволяет получить в свое распоряжение экземпляр ставшей уже редкостью книги, зато статья, хотя и в несколько измененном виде, была опубликована в сборнике ГИМ [3] и, насколько известно, является единственным русскоязычным источником по браковым пломбам.

Большинство изображений пломб взято мною из интернет-каталогов, использованных ранее при поиске отпускных таможенных пломб ([4, 5, 6]). В целом они опираются на классификацию Салливана, и только Джед Додд (Ged Dodd) пытался ее уточнить. К сожалению, Додд скончался в 2022 году, его сайт с обширным каталогом пломб и советами по их определению больше не работает. Те же остатки, что доступны в архивных копиях, часто содержат противоречивую информацию. К тому же некоторые свои предположения Додд ничем не подкрепляет, хотя в целом правильно уточняет многие вещи благодаря широчайшей выборке пломб.

Частично современные авторы основывают свои выводы на английских источниках XIX века ([7, 8]). Попытки же Дж. Салливана получить какие-то сведения у российских ученых не увенчались успехом. Некоторые музеи, например, ГИМ, отрицают наличие сведений о таких пломбах, другие ссылаются на отсутствие экспертов по этой теме. Известно, что в Эрмитаже есть коллекция свинцовых пломб, но среди 230 российских пломб, имевшихся там на 1965 год, похожих не было [1, с. 221].

Службы бракования учреждались при портах (инструкции браковщикам прямо это указывали), хотя и в непосредственной близости к таможенным. Еще в 1699 году в Наказе Таможенным Головам о сборе таможенных пошлин в городе Архангельске (который тогда был главными европейскими «воротами» России) указывалось, чтобы купцы «в кипы и в бунты товары увязывали равные, чтоб в бочках и в кипах и в бунтах всякие товары были кладены, каковы сверху, таковы и в середине, и продавали добрые за добрые, средние за средние, а меньшую статью за меньшую» [10]. На следующий год за тем же наказали смотреть бурмистрам и целовальникам. Но эти чиновники плохо разбирались в качестве льна и пеньки – товаров, составлявших важную часть российского экспорта. И когда жалобы заморских купцов (в основном английских) дошли до самого верха, Сенат в январе 1713 года взялся



рассматривать их «просительные пункты», поданные «чрез Англинского посла», и встречные предложения русских купцов. В итоге было решено льну и пеньке в Архангельске «брак учинить во всем против Нарвского обыкновения», выбрать одного или двух браковщиков из жителей Нарвы, которые уже на свои деньги (уплачиваемые за брак) должны нанять «вязальщиков довольное число» [11, с. 9]. Эти вязальщики, в чью обязанность входило раскладывать лен и пеньку для бракования, а потом связывать в тюки или бунты (большие связки, обернутые рогожами), должны были делиться по десяткам, возглавляемым вязетским старостой, или десятником.

Также Петр I начал устраивать правильный брак в новой столице, где был всего один браковщик, да и тот «древен». Царь рекомендовал Сенату взять браковщика из Риги, «ибо оный помоложе других», а шестьдесят вязальщиков набрать из Нарвы, Вологды, Пскова и Новгорода. Из Указа 1720 года нам известны имена пенечных браковщиков в Риге (Вилим Косфельт) и Нарве (Родион Звонцов), причем в этих городах был разный порядок брака, но конкретные различия не указаны. В 1727 году одного из двух браковщиков было указано избирать из иностранцев. В середине 1730-х годов на Васильевском острове были построены амбары для хранения пеньки и льна, но вскоре оказалось, что складывать туда товары нельзя, поскольку Морской Пошлинный Регламент предписывал «товары выгружать и нагружать близ Таможни». Семнадцать амбаров и две браковальни, построенные «на Малой Неве реке у бывших пороховых погребов», не могли вместить весь привозимый товар, что также вызывало жалобы купцов. А в августе 1780 года и эти амбары сгорели, пришлось строить новые. Правительство постоянно пыталось улучшить сам процесс бракования. В 1761 году вышла первая подробная инструкция для браковщиков пеньки и льна. Чуть ли не каждое десятилетие выпускались специальные указы, грозившие всяческими карами производителям льна и пеньки за плохое качество, а браковщикам за небрежный брак, но помогало это мало. Еще в 1718 году англичане жаловались, что русские купцы «в браковании чинят обманы, в средину доброй пеньки кладут не токмо худую и гнилую, но и камения». Но и в 1761 году отмечалось, что «браковщики не исполняют их должности или и весьма плутуют, так что выходящая чрез Пруссию Польская пенька и получистая, разглашена лучше здешней чистой», а в 1826 году — что «пеньковые и льняные торговцы предоставили себе право определять в десятники большую часть своих одногородцев по собственному выбору и тем обратили оных в свою зависимость». И даже на рубеже XIX–XX веков приходилось грозить торговцам и перекупщикам за лен, содержащий внутри связок некачественные стебли, отбросы или посторонние вещества, а также подмоченный для увеличения веса (не отсюда ли пошло выражение «подмоченная репутация») не

только штрафом до 100 рублей, но и арестом до месяца [12]. Но и покупатели зачастую были не без греха. Так, после погрузки товара в корабли комиссионеры иностранных купцов порой срывали пломбы и смешивали разные сорта. Бывало, что уже после отправки проверенной партии за рубеж покупатель отказывался ее принимать по оговоренной цене, ссылаясь на худшее качество, при этом другие возможные покупатели большей частью проявляли солидарность, а обращение к арбитражу в стране-получателе тоже практически всегда заканчивалось не в пользу российских купцов [9, с. 43].

Процесс бракования был впервые подробно регламентирован в 1761 г. [13] и затем в 1828 г., когда вышло сразу несколько инструкций, вводившихся в действие с 1829 года [14, 15]. На 1761 год в Петербурге имелось шесть браковщиков пеньки и льна, к которым было добавлено еще столько же. Шесть из двенадцати были русскими, представляли русских купцов, ведущих крупнооптовую торговлю этими товарами, и выбирались ими же, другие шесть выбирались иностранцами «из иноземцев Российских», то есть имеющих российское гражданство. Кандидат в браковщики не мог быть младше 25 лет, и он должен был набрать более половины подписей торгующих при порте купцов, каждый из которых мог голосовать только за одного кандидата, на что отводилось три дня. Далее проводилось практическое испытание. Комплект браковщиков был к тому времени увеличен и составлял 24 (12+12) человека, работавших парами. Рабочий день летом начинался в 6 часов баллотировкой, кому с кем быть в паре, а само бракование производилось с 7 до 11 часов, затем новая баллотировка в 14 часов и брак с 15 до 19 (данные начала XIX века, до этого каждый отрезок был длиннее на час). Осенью в связи с коротким световым днем график был сокращенным.

Брак пеньки и льна проходил только в специальных помещениях (шофах). Купцы должны были привозить туда предназначенный для продажи товар уже очищенным от примесей и разобранным по сортам. Во время брака одной партии товара на каждую шофу (позже на каждые десять рабочих мест, или станков, для вязки тюков) приходилось по одному браковщику с каждой стороны (русской и иностранной). Первые инструкции были кратки, обязывали браковщиков самих разбирать пеньку по сортам и даже исправлять некоторые недостатки. Тем не менее, для разбора и последующей связки пеньки в бунты, а льна в тюки при них состояли рабочие. Уже в 1713 году было указано, что браковщик должен «на свои деньги иметь вязальщиков довольное число» и «развести их по десяткам, над которыми ... учредить ему над каждым десятком вязетских старост, или десятников, людей добрых и заобычных» [11, с. 9-10]. В середине XVIII века при браке пеньки состояло 200 десятников, а позже 250, для льна это число вначале было оставлено на

усмотрение браковщиков, позже составляло 80 человек. Набирались десятники «из знающих качество сих товаров, добрых и надежных людей из маломочных купцов и мещан всех городов, кроме крестьян» [15, § 64, с. 728], в XIX веке кандидатам устраивали экзамен, а при вступлении в должность они, как и браковщики, приносили присягу. В инструкции 1828 года процесс браковки описан так: десятники тщательно осматривают подаваемые им вязальщиками пробойки, то есть мелкие пучки льна или пеньки, проверяют их качество и раскладывают возле станка. Браковщики в это время прохаживаются вдоль станков и наблюдают за правильностью бракования, при необходимости выкидывая пропущенные десятниками некачественные пробойки за окно для исправления хозяевами. После одобрения очередной партии товара она связывается под наблюдением десятников и клеймится, при этом браковщики проверяют качество вязки [15, § 8-10, с. 722]. Хозяин товара имел право разрезать показавшуюся подозрительной упаковку для проверки качества, но при отсутствии недостатков обязан был повторно заплатить за перевязку. Если же таковые находились, всю партию полагалось перебраковать и перевязать, причем плата ни за первую, ни за вторую вязку не бралась. После бракования товар отдавался хозяину, который должен был держать его у себя до продажи и погрузки в корабли, заботясь о целостности связок и сохранности клейм (т. е. пломб), за которыми также должна была следить таможня при погрузке в корабли. При перевязке тюков покупателем после продажи за качество отвечал уже он сам.

Браковщики за свою работу получали плату каждый со своей стороны (русской и иностранной). Она назначалась за каждый берковец (10 пудов) и составляла в 1761 году с пеньки всего десять копеек (5+5), со льна вдвое больше [13, гл. V, п. 7, с. 831], к 1828 году она возросла, соответственно, до 50 копеек и рубля (за любой сорт товара) [15, § 80, с. 729]. Десятники же получали в 1761 году от купца и продавца «с бунта пеньки первой руки по 20 копеек, со второй руки по 12 ½, с третьей руки по 10; а со льна с берковца по 6 копеек по тому ж с каждой стороны» [13, гл. V, п. 8, с. 831], в 1828 году — по 40 копеек с пеньки и по 75 копеек с льна всех сортов. За упущения, особенно умышленные, браковщик подвергался штрафу. Так, каждый час отсутствия в шофе обходился ему в рубль, а отсутствие обоих браковщиков — в пять рублей каждому. Позже штрафы кратно возросли: 25 рублей за каждый час в случае позднего прихода, по 100 рублей за час отлучки. Что касается нарушений, допущенных при браке, в первый раз браковщика ждал выговор, во второй пеня 250–500 руб., в третий пеня вдвое, а в четвертый отрешение от должности; при умышленном нарушении сразу следовало отрешение. Браковщик также был обязан смотреть за десятниками, которых штрафовали вначале удалением от работы на 2 недели,

затем на месяц и на 2 месяца, и, наконец, отрешением от должности.

К концу 30-х годов XIX века процесс упорядочивания брака добрался и до Архангельска. В целом выпущенные в 1838 и 1839 годах инструкции по бракованию льна и пеньки были схожи с Петербургскими. А вот в столице этот процесс уже начал разворачиваться вспять, и в 1844 году торгующему при Санкт-Петербургском порте купечеству было предоставлено право «продавать, покупать и отправлять за границу пеньку, лен и паклю, не подвергая оных бракованию» [16], но при условии наличия на товарах клейм продавцов. Позже это разрешение продлевалось несколько раз, а с 1860 года было сделано постоянным, причем по прошению купцов министр финансов мог распространять его действие и на другие города. Например, в 1864 году обязательный брак льна был отменен в Риге (правда, с последующей отсрочкой отмены на 4 года), а в 1876 году — в Пернове, в Ревеле же это произошло в 1892 году, когда умер последний браковщик. В конце XIX века казенная браковка осталась только в Архангельске, да и то через него проходили в основном низшие сорта льна и в незначительном количестве [9, с. 38].

Теперь посмотрим, как регламентировался процесс клеймения бракуемого товара, и какие данные мы можем прочесть на пломбах. Для этого обратимся к российскому законодательству, где все эти вопросы, как увидим, освещены довольно подробно. Но сначала приведем результаты исследований английских ученых, поскольку ни одного отечественного источника по этой теме обнаружить не удалось.

В Коммерческом словаре XIX века (статья «Пенька») упоминается, что «к каждой связке (bundle) рассортированной пеньки крепится квитанция (ticket) с именами браковщика (selector), вязальщика (binder) и владельца (owner), а также дата и год. К ней также прикрепляется кусочек свинца с отпечатанной фамилией браковщика на одной стороне, а на другой — с сортом пеньки и временем, когда она браковалась» [8, с. 647]. Из этой информации современные исследователи сделали вывод, что «пломбы этого типа... наносились инспектором порта индивидуально и содержали уникальную информацию, такую как имя инспектора, номер поста, на котором он работал, название порта, инициалы предыдущего производителя/владельца или агента, качество и сорт льна (пеньки), и дата его сортировки» ([4, ID=821827]). Однако тут нужно обратить внимание на то, что квитанция (ticket) — не то же самое, что пломба.

Дж. Салливан в статье делит такие пломбы на три части: наиболее понятные — из Архангельска, менее ясные — из Санкт-Петербурга и, наконец, третьи — без четкого указания порта.

Архангельские пломбы (см. табл. 2) содержат наиболее полную легенду, включающую «АРХ» как название порта и слова «БРАК» и «ДЕСЯТНИК» или «ДЕСЯТСКИЙ» (в различных формах и сокращениях).

Подавляющее большинство этих пломб относится ко льну, что подтверждается указанным на них сортом. Как правило, это слово «КРОНЬ», которое часто понимают как высококачественный лен (от слова «CROWN» — Корона). Иногда даже встречаются такие описания, как «Сорт “КРОН” высокого качества 4-го сорта» [6], что очевидно неверно. Салливан, правда, оговаривается, что словарь Даля описывает Крон как второй сорт. И действительно, в инструкции 1838 года прямо записано, что «первого разбора лен шелковидный, мягкий, называемый отборный, а второго разбора крупно-волоконный, называемый крон» [17]. Слово «ОТБОРНЫЙ» также встречается на пломбах, хотя и очень редко. Нечасто попадает и слово «ЗАБРАК», или низкокачественный лен.

К петербургским пломбам Салливан относит те, на которых верхняя строка легенды содержит буквы «SPB» или «СПБ». На остальных пломбах чаще всего встречается надпись «НР», которую исследователи пытались расшифровать по-разному. Вначале выдвигалось предположение, что она означает «Нарвский порт», Салливан же по внешнему сходству пломб склонялся к тому, что эти пломбы также из Санкт-Петербурга. Додд считал (правда, без всякого обоснования), что товар с такими пломбами отгружался из всех российских портов. Наконец, высказывалась теория по поводу новгородского их происхождения. Салливан отмечал, что эта аббревиатура никогда не встречается в кириллице. Однако на самом деле после 1829 года наряду с «НР» встречается аналогичная аббревиатура «Ноп», и означают они обе происхождение льна из Новгорода / Пскова, или так называемый «Новгородский и Псковский кряж». Эта разновидность льна в Петербурге была преобладающей: «Доставляемый к здешнему порту лен состоит из Новгородского, Псковского, Карельского и Вязниковского кряжей» [15, § 41, с. 725]. Очень редко встречаемые буквы «WK» в таком случае могут означать Вязниковский кряж (из города Вязники, название которого прямо-таки намекает на вязку льна). Заявление Додда о том, что «после 1828 года нет никаких обозначений НР» [5, ID=398] также не соответствует действительности — эта надпись просто была перенесена под «SPB».

Само сокращение «SPB» также трактуется по-разному. Так, Додд бездоказательно пишет, что «SPB использовался как знак сертификации для брака ПЕНЬКИ до 1829 года, а после 1829 года SPB использовался для ЛЬНА. Каждый порт в Российской империи использовал эту систему» [4, ID=786697]. На самом деле, как увидим, надпись «СПБ» / «SPB» означала не «Санкт-Петербург», а «Санкт-Петербургский Брак» и применялась именно в Петербурге, а ее русская или латинская версия, как и «Ноп» / «НР», попросту использовались одна русским, а другая иностранным браковщиком. Это подтверждают и соответствующие инициалы на пломбах, которые английские источники приписывают

производителям льна, собственникам или их агентам.

Что касается номеров, Салливан и другие считают их «номерами постов», где работал инспектор, или пломбировочной машинки [1, с. 220]. Однако, как говорят нам инструкции, амбаров (шоф) было на два порядка меньше, чем десятников, к тому же последние избирались по жребию и не были прикреплены к конкретному рабочему месту. Так, в Инструкции 1828 года говорится, что «два десятские должны вязать обракованный лен на четырех станках» [15, § 37, с. 725]. С другой стороны, еще при введении системы бракования в 1713 году было указано, «чтобы у тех вязальщиков от каждого десятка у всякого бунта свое клеймо было» [11, с.10]. На ранних пломбах, где нет фамилии десятника, как раз и указан номер десятка.

Теперь попробуем хронологически проследить изменения в оформлении пломб от пеньки и льна. В источниках [4, 5, 6, 19], содержащих качественные изображения пломб, было найдено около 600 браковых пломб, из них 345 можно отнести ко льну и 125 — к пеньке. В результате удалось выделить несколько то сменяющих друг друга, то сосуществующих типов браковых пломб, а также зачастую привязать их к изменениям в законодательстве, регулировавшем брак товаров. Описания типов и примеры пломб приведены в таблицах. При описании пломб вслед за Дж. Салливаном будем считать лицевой сторону с номером (при его наличии), а обратной — с годом.

Первые пломбы от пеньки и льна отмечаются, соответственно, за 1731 и 1743 годы. Они уже тогда отличаются друг от друга обозначением качества. На пеньковых пломбах для высшего сорта (чистой пеньки) это буква «R», от немецкого Reinheit — чистота, к которой во второй половине 1730-х годов добавляется «H» (от «HEMP», пенька), позже встречается и буква «P» — Pass, получистая [13, гл. II, п. 2, с. 828]. На льняных же сорт указывается количеством головок (горстей) или кукол в одной связке (пробойке). Такое обозначение применялось в Петербурге вплоть до отмены бракования. Самый чистый лен обозначался числом 12, другие назывались девятириком и шестериком, поскольку было заведено «куклам быть в первой руке двенадцать, во второй руке девять, в третьей шесть» [13, гл. III, п. 4, с. 830]. Куклами назывались мелкие пучки, из которых состояла большая связка. Над сортом также указывался кряж, обозначавший место происхождения льна: «вязать лен в тюки Псковской и Новгородской чистой по три пуда... Вязниковской и прочий тамошнего рода лен вязать бунтами по двадцати пуд» [13, гл. III, п. 6, с. 830]. Пеньку же при браковании было разрешено не делить по кряжам, а только по сортам на чистую и получистую [18, с. 461].

В начале 1750-х годов на пломбах появляются инициалы. На пеньковых добавляется по одной букве до и после сорта пеньки, на льняных — по две, причем и первые две буквы льняных, и обе буквы пеньковых присутствуют только в двух вариантах —

«SB» и «AN». Заманчиво было бы предположить, что первый обозначает Санкт-Петербург, а второй Архангельск, но это слишком смелая гипотеза, которая ничем не подтверждается. Вторые две буквы на льняных пломбах варьируют более широко, что позволяет считать их инициалами десятника, а первые — инициалами браковщика. Еще в указе 1735 года прямо указано, что после бракования нужно «ко всякому бунту с обоих концов сперва класть печать десятскому, а потом браковщику» [18, п. 5, с. 462], и для экономии свинца печати вполне могли совмещать, учитывая наличие всего двух браковщиков. На пломбах от пеньки также появляется номер десятка, который на пломбах от льна был с самого начала, но инициалы десятника на них по-прежнему отсутствуют.

Такое оформление продержалось до 1761 года, когда была выпущена «Инструкция Санктпетербургского порта браковщиков, которые брак пеньки и льна производить имеют». В ней впервые уделено внимание подробному описанию браковых пломб, причем прямо указывается, что такой порядок пломбирования существовал и раньше: «при вязании бунтов пеньки и тюков льна... по прежнему класть свинцовые клейма десятникам и каждому браковщику, на которых быть вырезану имени с прозванием десятниковы или браковщиковы, а с другой стороны Санктпетербургский брак, и какой та пенька доброты» [13, гл. II, п. 9, с. 829, курсив мой — А. Д.]. К тому же благодаря ей мы можем развеять сомнения по поводу размещения на пломбах инициалов товарохранителя или его агента, ибо чуть выше та же инструкция повелевает «класть самим в бунты маленькие дощечки... и на тех дощечках писать им браковщикам и десятским красным карандашом свое имя; по тому же могут имена свои и купцы, хозяева пеньки и льна, по произволению писать». То есть хозяева могли указывать свое имя только на дощечках, которые до нашего времени, естественно, не сохранились. Именно эти дощечки и обозначались в словарях словом «tickets».

С 1762 года, когда инструкция вступила в силу, внешний вид пломб снова поменялся. Теперь, помимо номера и инициалов браковщика, на них появилась и полная фамилия десятника. Также на пломбах от льна вместо инициалов десятника после сорта стали указывать «Н» (возможно, горсти или головки — heads), реже «К» (куклы). Такое оформление продержалось без малого семьдесят лет, лишь с одним изменением в 1787 году, которое английские исследователи не смогли объяснить. До сих пор для букв в первой строке перед фамилией десятника ими, кроме инициалов, предлагаются такие варианты, как «досмотр» [5, ID=866] или «старший инспектор» [5, ID=21186] (ДС), «десятник Кронштадт» (ДК) [4, ID=1089826] или «десятник Вологда» (ДВ) [5, ID=792]. На самом деле все гораздо проще. Сначала верхняя строка над фамилией десятника включала букву «Д» (десятник) и первую букву его имени,

с 1787 года сверху стали указывать «ЛД» (льняной десятник) или «ПД» (пеньковый десятник), а инициал «переехал» на вторую строчку.

Следующее обновление дизайна пломб произошло на 1829 год, когда вышла новая «Инструкция на бракование пеньки и льна» (также для Санкт-Петербургского порта), вступившая в действие с 1 января 1829 года. Правда, она действовала фактически всего пятнадцать лет, но зато оставила нам подробнейшее описание процесса бракования. В частности, она четко указывает, как должны выглядеть пломбы. К бунтам пеньки «прилагать свинцовые клейма десятникам и каждому браковщику; на клеймах сих иметь вырезанным с одной стороны: С. П. брак, сорт пеньки, имя и фамилию браковщика и год, а на обороте: нумер и фамилию десятника» [15, § 23, с. 723-724], на дощечках же «продавцам, браковщикам и десятским писать карандашом свои имена, год, месяц и число». То есть номер на пломбе, как видим, принадлежит не «посту» или пломбировочной машинке, а именно десятнику. Для льна все было немного сложнее: «все кряжи и сорта должно различать особыми клеймами: одно свинцовое браковщика с Российской, другое такое же браковщика с иностранной стороны, и третье досчатое двух десятских, тот товар браковавших» [15, § 48, с. 726, курсив мой — А. Д.]. Заметим, что для продавца места на пломбах снова не нашлось, вопреки убеждению английских ученых. На пеньковых пломбах русских браковщиков появляется надпись «ПЕН» (пенька), а у иностранных остается «Н» (hemp), сорт же на всех пломбах указывается более понятным цифровым, а не буквенным обозначением. Легенда льняных пломб расширяется до четырех строк, сверху также появляется «СПБ» или «SPB» (в зависимости от национальности браковщика) — то есть «С. П. брак», ниже указывается кряж («Ноп» / «NP» для самого распространенного Новгородско-Псковского) и сорт (от первого до третьего). Как мы уже говорили, с 1844 года брак при Петербургском порте был сделан добровольным, и браковые пломбы более позднего периода неизвестны.

В 1837 году правительство решило упорядочить брак и в Архангельске, подчинив местных браковщиков Минфину и составив для них две новые инструкции по браку льна и пеньки. Правда, судя по известным пломбам (точнее — всего одной пломбе за 1839 год), пеньки через Архангельский брак проходило очень мало, зато отсюда отпускали за море много пакли (льняной и пеньковой), которая также браковалась, но не является темой данной статьи. Архангельские пломбы от льна начала XIX века (до выхода инструкций) имеют разнообразное оформление, но на обеих сторонах сверху всегда указывается «А.П.» (Архангельский порт), ниже на одной стороне — «ЛНЯ БРА» (в одном случае раскрытое до «льняной браковщи[к]»), на другой — «ДЕСЯТ», «ДЕСЯЦ(К)», иногда «ДЕСЯЦКИ», «ДЕСЯЦКО», и

инициалы десятника (редко фамилия). На другой стороне также указывается сорт (1, 2, 3 или забрак) и инициалы браковщика. Сорт обозначается как «РУ» или «Р.» (рука), под ним находится год.

С 1838 года, после выхода инструкции, меняется общий дизайн пломб, вместо обозначения руки появляется слово «СОРТЪ», а на месте порта обычно (хотя и не всегда) «АРХ БРА» — Архангельский брак. В инструкции прямо указано, что инициалы на пломбе принадлежат не производителю, хозяину или агенту: «прилагать к каждому бунту на косе два свинцовые клейма, с изображением на одной стороне: Арх. Бр., разбор и сорт льна, имя и фамилия браковщика и год, а на обороте имя и фамилия десятника». Под первым и вторым разбором имеются в виду лен отборный и крон, каждый разбор делится на три сорта [17]. Крон описывается как «волоконном хотя и погуще и не имея той шелковидности и мягкости, которыми отличается лен 1-го разбора», а низкокачественный лен, или забрак, опознается «по короткому росту и слабому волокну». В источниках XIX века пишут, что отборного льна на экспорт уходило очень мало [7, с. 323], это подтверждают и пломбы. Инструкция на этот раз разрешает прикреплять свои пломбы и владельцам товара, но

отдельно от браковых: «Хозяевам товара дозволяется, буде кто пожелает, для поддержания своего кредита, привешивать к бунтам стемпеля с именами и фамилией их, или особенным знаком» [17, с. 78]. Такие пломбы также находят. Установленная этой инструкцией классификация льна позже была лишь дополнена четвертым сортом крона и вторым — забрака, и практически в неизменном виде сохранилась до начала XX века. Экспорт льна из Архангельска прерывался лишь в 1854-1855 годы в связи с Крымской войной, но по крайней мере одна пломба за 1854 год все же известна.

Итак, мы рассмотрели основные виды браковых пломб. В стороне остались как пломбы от пакли, так и владельческие, а также некоторые специфические пломбы, требующие отдельного изучения. Как мы видели, несмотря на все попытки государства поддерживать репутацию российской торговли, к концу XIX — началу XX века проблемы, связанные с контролем качества, решить так и не удалось.

Автор выражает признательность Юрию Тигунцеву, натолкнувшему на эту тему, подсказавшему направление поисков и предоставившему некоторые материалы.

ЛИТЕРАТУРА (даты даются по старому стилю):

1. Sullivan, J. Lead Seals of Russian Origin in Fife // Tayside and Fife Archaeological Journal, 2000. Стр. 211-227.
2. Sullivan, J. Russian Cloth Seals in Britain: Trade, Textiles and Origins. Oxbow Books, Oxford, 2012.
3. Джон Салливан. Свинцовые пломбы русского происхождения в Шотландии // Труды Государственного Исторического музея. Выпуск 125. Нумизматика на рубеже веков. Нумизматический сборник, часть XV. Москва, 2001. Стр. 309-336.
4. Portable Antiquities Scheme (PAS) - <https://finds.org.uk/>
5. Галерея Bag Seals - <http://www.bagseals.org/gallery/main.php>
6. The PeaceHavens Project - <http://www.peacehavens.co.uk> (доступны только архивные копии некоторых страниц и ограниченный набор фотографий через сайт <https://web.archive.org/>)
7. Warden A. J. The Linen Trade, Ancient and Modern. London, 1864.
8. McCulloch J. R. A Dictionary, Practical, Theoretical, and Historical, of Commerce and Commercial Navigation: Illustrated with Maps and Plans. London, 1839.
9. Недостатки и нужды льняной торговли (Отчет по командировке) А. Мурашкинцев. СПб, 1895.
10. Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ), собрание 1 (1649–1825), т. III, №1687 от мая 1699. Наказ Таможенным Головам. О Сборе Таможенных пошлин в городе Архангельске, п. 36, с. 623.
11. ПСЗ, собрание 1, т. V, №2635 от 25.01.1713. Определение Сената на просительные пункты поданные Великобританскими купцами чрез Англинского посла. О браковании пеньки и льна у города Архангельска.
12. ПСЗ, собрание 3 (1881–1913), т. XIX, №16745 от 12.04.1899. О некоторых мерах к упорядочению торговли льном.
13. ПСЗ, собрание 1, т. XV, №11361 от 28.11.1761. Инструкция С. Петербургского порта браковщиков, которые брак пеньки и льна производить имеют.
14. ПСЗ, собрание 2 (1825–1881), т. III, №2076 от 04.06.1828. Положение о браковщиках и надзоре за браком товаров при С.-Петербургском порте, § 6, с. 605.
15. ПСЗ, собрание 2, т. III, №2193 от 30.07.1828. Инструкция на бракование пеньки и льна.
16. ПСЗ, собрание 2, т. XV, №17680 от 29.02.1844. Положение Комитета Министров. О предоставлении торгующему при С. Петербургском порте купечеству на волю, продавать, покупать и отправлять за границу пеньку, лен и паклю, не подвергая оных бракованию, с. 147.
17. ПСЗ, собрание 2, т. XIII, №10946 от 04.02.1838. Инструкция для бракования льна и пакли льняной при Архангельском порте, гл. I, § 5, с. 76.
18. ПСЗ, собрание 1, т. IX, №6669 от 16.01.1735. Сенатский указ. О продаже и браковании пеньки, о штрафовании браковщиков за подлоги в браке и о разных условиях при покупке и перевозке пеньки.
19. <https://europlombs.forumpolish.com>

ПРИМЕР ПЛОМБЫ	ПОРТ, ПЕРИОД (по пломбам / предполагаемый), источник	ЛЕГЕНДА (построчно) ЛИЦЕВАЯ СТОРОНА	ЛЕГЕНДА (построчно) ОБРАТНАЯ СТОРОНА
	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (?) 1740-е - 1750-е (до 1750 г.) [6]	№ + НОМЕР ДЕСЯТКА	NP - тип льна (кряж) (также WK, WU) 12 - КОЛ-ВО ГОЛОВОК В БУНТЕ (ВАРИАНТЫ: 6, 9) ГОД БРАКОВАНИЯ
	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (?) 1750 - 1761 (1750 - 1761) [5, ID=37014]	N - знак номера НОМЕР ДЕСЯТКА	NP - тип льна (кряж) (также WK, WU) AN - ИНИЦИАЛЫ БРАКОВЩИКА; 12 - КОЛ-ВО ГОЛОВОК В БУНТЕ (также 6, 9); П[С] - ИНИЦИАЛЫ 2-ГО БРАКОВЩИКА ГОД БРАКОВАНИЯ
	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1763 - 1786 (1762 - 1787) [4, ID=1001598]	Д (ДЕСЯТНИК) + ИНИЦИАЛ ФАМИЛИЯ ДЕСЯТНИКА N или H + НОМЕР ДЕСЯТНИКА	NP - тип льна (кряж) П[С] - ИНИЦИАЛЫ БРАКОВЩИКА; 12 - КОЛ-ВО ГОЛОВОК В БУНТЕ (также 6, 9); H = HEADS (ГОЛОВКИ или K = КУКЛЫ) ГОД БРАКОВАНИЯ
	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1787 - 1828 (1787 - 1829) [4, ID=502183]	ЛД (ЛЬНЯНОЙ ДЕСЯТНИК) ИНИЦИАЛ И ФАМИЛИЯ ДЕСЯТНИКА N или H + НОМЕР ДЕСЯТНИКА	NP - тип льна (кряж) СФК - ИНИЦИАЛЫ БРАКОВЩИКА; 12 - КОЛ-ВО ГОЛОВОК В БУНТЕ (также 6, 9); H = HEADS (ГОЛОВКИ или K = КУКЛЫ) ГОД БРАКОВАНИЯ
	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1831 - 1841 (1829 - 1844) [4, ID=204882]	ЛД (ЛЬНЯНОЙ ДЕСЯТНИК) ИНИЦИАЛ И ФАМИЛИЯ ДЕСЯТНИКА H + НОМЕР ДЕСЯТНИКА	S.P.B (Санкт-Петербургский брак) NP, 2 - тип (кряж) и сорт льна M.S. - ИНИЦИАЛЫ БРАКОВЩИКА (ИНОСТРАННОГО) ГОД БРАКОВАНИЯ
	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1830 - 1838 (1829 - 1844) [5, ID=11823]	ЛД (ЛЬНЯНОЙ ДЕСЯТНИК) ИНИЦИАЛ И ФАМИЛИЯ ДЕСЯТНИКА H + НОМЕР ДЕСЯТНИКА	СПБ (Санкт-Петербургский брак) Ноп. 2 - тип (кряж) и сорт льна А.И.Г. - ИНИЦИАЛЫ БРАКОВЩИКА (РУССКОГО) ГОД БРАКОВАНИЯ
	АРХАНГЕЛЬСК 1802 - 1837 (до 1838 г.) [5, ID=2781]	АП (АРХАНГЕЛЬСКИЙ ПОРТ) ДЕСЯТСК (также: ДЕСЯЦК и др.) - ДЕСЯТСКИЙ ИНИЦИАЛЫ ДЕСЯТНИКА	АП (АРХАНГЕЛЬСКОГО ПОРТА) ЛНЯ БРАК (варианты: ЛНЯН БРАК, ЛЬНА БРАК и др.) 2 А.Р. РУ: АР - ИНИЦИАЛЫ БРАКОВЩИКА; 2 РУ - СОРТ ЛЬНА (2-й руки) ГОД БРАКОВАНИЯ
	АРХАНГЕЛЬСК 1838 - 1901 (1838 - 1917) (из коллекции автора)	АРХ БРА (АРХАНГЕЛЬСКИЙ БРАК) или АРХ.ПОР. (АРХАНГЕЛЬСКИЙ ПОРТ) ДЕСЯТН / ДЕСЯТ и др. - ДЕСЯТНИК или ДЕСЯТС - ДЕСЯТСКИЙ ИМЯ И ФАМИЛИЯ ДЕСЯТНИКА	АРХ БР. (вариант - БРА) - АРХАНГЕЛЬСКИЙ БРАК КРОНЪ - ВИД ЛЬНА (варианты: ОТБОРНЫ(Й), ЗАБРАК) 2 СОРТЬ - СОРТ ЛЬНА Ф.Р. - ИНИЦИАЛЫ БРАКОВЩИКА; ГОД БРАКОВАНИЯ

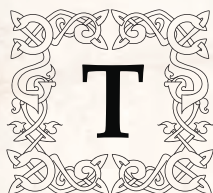
Таблица 1. Разновидности браковых пломб от льна

ПРИМЕР ПЛОМБЫ	ПОРТ, ДАТИРОВКА (по пломбам / предполагаемая), источник	ЛЕГЕНДА (построчно) ЛИЦЕВАЯ СТОРОНА	ЛЕГЕНДА (построчно) ОБРАТНАЯ СТОРОНА
	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1731 - 1733 (до середины 1730-х) [5, ID=34828]	(КОРОНА) No + НОМЕР ДЕСЯТКА ГОД БРАКОВАНИЯ SPB (Санкт-Петербург или Санкт-Петербургский брак)	ЧИСТА (СОРТ ПЕНЬКИ) R (СОРТ ПЕНЬКИ)
	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1737 - 1750 (сер. 1730-х - 1750) [4, ID=1121000]	SPB (Санкт-Петербургский брак) R:H - СОРТ ПЕНЬКИ (вариант: P:H; НЕМР = ПЕНЬКА) ГОД БРАКОВАНИЯ	
	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1754 - 1760 (1750 - 1761) [4, ID=271540]	SPB (Санкт-Петербургский брак) RH - СОРТ ПЕНЬКИ (варианты: PH); A / N - ИНИЦИАЛЫ БРАКОВЩИКА ГОД БРАКОВАНИЯ	N - знак номера НОМЕР ДЕСЯТКА
	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1768 - 1784 (1762 - 1786) [4, ID=563682]	SPB (Санкт-Петербургский брак) ИЧ - ИНИЦИАЛЫ БРАКОВЩИКА; RH - СОРТ ПЕНЬКИ (варианты: PH) ГОД БРАКОВАНИЯ	Д (ДЕСЯТНИК) + ИНИЦИАЛ ФАМИЛИЯ ДЕСЯТНИКА N (или H) + НОМЕР ДЕСЯТНИКА
	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1787 - 1828 (1787 - 1829) [5, ID=1042]	SPB (Санкт-Петербургский брак) AK - ИНИЦИАЛЫ БРАКОВЩИКА; RH - СОРТ ПЕНЬКИ (варианты: PH) ГОД БРАКОВАНИЯ	ПД (ПЕНЬКОВЫЙ ДЕСЯТНИК) ИНИЦИАЛ И ФАМИЛИЯ ДЕСЯТНИКА H + НОМЕР ДЕСЯТНИКА
	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1834 - 1840 (1829 - 1844) [5, ID=36]	СПБ (Санкт-Петербургский брак) ПЕН.2 - ПЕНЬКА 2-го СОРТА В.К. - ИНИЦИАЛЫ БРАКОВЩИКА (РУССКОГО) ГОД БРАКОВАНИЯ	ПД (ПЕНЬКОВЫЙ ДЕСЯТНИК) ИНИЦИАЛ И ФАМИЛИЯ ДЕСЯТНИКА H + НОМЕР ДЕСЯТНИКА
	САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1829 - 1843 (1829 - 1844) [19]	SPB (С.-Петербургский брак) H._I - ПЕНЬКА (НЕМР) 1-го СОРТА Т.И. - ИНИЦИАЛЫ БРАКОВЩИКА (ИНОСТРАННОГО) ГОД БРАКОВАНИЯ	ПД (ПЕНЬКОВЫЙ ДЕСЯТНИК) ИНИЦИАЛ И ФАМИЛИЯ ДЕСЯТНИКА H + НОМЕР ДЕСЯТНИКА
	АРХАНГЕЛЬСК 1839 (1838 - 1917) [4, ID=155827]	А.Б. - АРХ. БРАК ПЕН.1СОР - ПЕНЬКА 1-го СОРТА М.К. - ИНИЦИАЛЫ БРАКОВЩИКА (РУССКОГО) ГОД БРАКОВАНИЯ	А.Б. - АРХ. БРАК ПЕ. ДЕС. - ПЕНЬКОВЫЙ ДЕСЯТНИК ИМЯ И ФАМИЛИЯ ДЕСЯТНИКА (СОКРАЩЕННО)

Таблица 2. Разновидности браковых пломб от пеньки

Новогодняя встреча клуба поисковиков и коллекционеров альманаха «Деньга»

Вадим Рыбаков (DOC)



альманаха «Деньга».

третьего января 2025 года в здании бывшего доходного дома А. К. Ечкина, улица Арбат, дом 23, строение 1, прошла очередная, восьмая по счету, новогодняя встреча клуба поисковиков и коллекционеров альманаха «Деньга».

Спонсоры и призовой фонд

Владислав Михайлович Рыбаков: икона и шкатулка ручной работы

ООО «РЕЙКОМ ГРУПП»: Garrett Pro-Pointer AT, сумка-рюкзак Nokta для каждого участника встречи, бейсболки Nokta для авторов альманаха «Деньга»

Нумизматический клуб и нумизматический форум «Старая Монета»: восемь настольных медалей с изображениями исторических личностей Российской Империи и СССР, двенадцать книг по нумизматике и фалеристике, пять журналов по нумизматике

Грейдинговая компания NRG и нумизматический проект «Полполушкин»: серебряная монета 20 копеек 1913 года в слабе компании NRG

Нумизматический проект «Полполушкин» и YouTube канал «Заметки нумизмата»: книга Х. Фенглер, Г. Гироу, В. Унгер «Словарь нумизмата»

Антон Котов: книга «Символы Москвы»

Владимир Д.: клубные значки

В конкурсе на лучшее знание материалов альманаха «Деньга» в упорной борьбе победил Алексей Клюев. Большинство же подарков было разыграно путем жребия, в том числе и заслабированная серебряная монета номиналом 20 копеек 1913 года. Слаб не только защищает монету от повреждений, но и гарантирует ее оригинальность. За каждым слабым закреплен собственный номер в реестре заслабировавшей монету компании.

В здании бывшего доходного дома А. К. Ечкина новогодняя встреча нашего клуба проходила второй раз подряд, в прошлом году я писал об истории этого дома. А наши традиционные клубные встречи проходят по адресу: улица Арбат, дом 4, строение 1.

«История дома уходит своими корнями в глубокое средневековье. Так во времена Ивана Грозного в этой местности располагался опричный удел с находящимся чуть ближе к Кремлю Опричным двором, в котором по преданию проживал Иван Грозный боясь заговоров бояр и часто уходя из Кремля.

Со стороны Арбата из деревни пролежала старая смоленская дорога, что в свою очередь способствовало появлению торговых построек, на фундаментах которых был построен целый комплекс соединенных между собой зданий и образующий дом номер 4 по Арбату в том виде, в котором его можно видеть сейчас» (www.oldarbat.ru).

В основе дома — палаты XVIII века, которые в первой трети XIX века были встроены в новый трехэтажный дом со скромными фасадами в стиле позднего классицизма. Наши встречи проходят в зале, кирпичные стены которого явно сложены в стародавние времена. В истории Арбата этот дом получил известность как доходный дом А. А. Лазарика — А. Л. Шанявского. Аптека и лечебница под патронатом Общества русских врачей в доме были открыты в 1865 году. На верхних этажах располагалась лечебница, а на первом этаже работала аптека. Малообеспеченные горожане могли получить медицинскую помощь и лекарства по ценам на 30-40% меньше, чем в других лечебных заведениях и аптеках города. В конце XIX века Общество врачей переехало в дом 25 на Арбате, а в здании расположились доходный дом и ресторан (по другим сведениям, помещения заняли музыкальные курсы господина Решко).

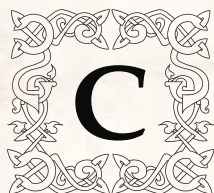
«Славу этому дому принёс Альфонс Леонович Шанявский — русский генерал, который активно занимался просветительской деятельностью. Он организовал здесь своеобразный клуб для творческой интеллигенции и недорогие, но уютные, меблированные комнаты, поначалу носившие название «Гуниб», а затем «Столица». В них останавливались писатель Иван Бунин, поэт Константин Бальмонт, художник Николай Сапунов и многие другие. Цены на меблированные комнаты были доступны для людей среднего и даже невысокого достатка: от рубля до трех с полтиной за ночь. На первом этаже размещалась довольно демократичная чайная, где не только поили чаем, но и кормили недорогими обедами» («Узнай Москву»).

В 1905 году собственник дома, золотопромышленник генерал Альфонс Шанявский, завещал дом и участок Городской думе для создания здесь Общественного университета, в который могли поступить все желающие. Университет был открыт в 1908 году. В 1912 году он переехал в специально построенное для этого здание на Миусской площади. В советское время дом занимали коммуналки и различные конторские помещения.



«Манифест-2025»

Вадим Рыбаков (DOC)



Седьмого января 1813 года (25 декабря 1812 года по старому стилю), в день светлого Христова Рождества, Император Александр I издал Высочайший Манифест, ознаменовавший победное окончание Отечественной войны 1812 года. По этому поводу седьмого января в Музее-панораме «Бородинская битва» при участии клубов военно-исторической реконструкции ежегодно проходит музейный праздник «Манифест». «Манифест-2025» был приурочен к 212-й годовщине изгнания армии Наполеона за пределы Российской Империи.

Торжественная церемония открылась в здании музея с зачитывания Высочайшего Манифеста Императора Александра I, который огласил Илья Ульянов — участник движения военно-исторической реконструкции с 1 Все-союзного военно-исторического похода 1988 года, руководитель клубов «Гвардейская рота» (лейб-гвардии Литовский полк), «Бородинский егерь. 1855», объединения клубов «Гвардейская рота» и «Московский гренадер», член совета МВИА, инспектор по пехоте, руководитель Центра изучения и возрождения воинских традиций «Русская воинская традиция» (секция Общества друзей ГИМ [livelib.ru/https://www.livelib.ru/author/276478-ilya-ulyanov?ysclid=m67j9xn2w3712511938](https://www.livelib.ru/author/276478-ilya-ulyanov?ysclid=m67j9xn2w3712511938)), автор большого количества работ на военно-историческую тематику.

Затем участники возложили цветы к памятнику М. И. Кутузову на площади перед зданием Музея-панорамы «Бородинская битва» и к перенесенному в 1953 году к Кутузовской избе с Дорогомиловского кладбища обелиску с братской могилы воинов 1812 года, павших от ран в Бородинском сражении.



В последний раз мы с Ольгой присутствовали на празднике «Манифест» в 2020 году, но среди реконструкторов увидели знакомые лица. После завершения церемонии недолго посмотрели экспозиции и отправились на лекцию «Трубы к подвигам зовут! Военная музыка Эпохи 1812 года».

Историк Михаил Черток и музыканты клуба военно-исторической реконструкции «Исторический оркестр» познакомили слушателей с музыкальными сигналами, применявшимися в русской армии в период Отечественной войны 1812 года — гости услышали строевые команды и марши, исполненные на пехотном барабане, малой сигнальной флейте и сигнальном рожке.

После лекции мы поднялись к панораме «Бородино», а затем осмотрели временные выставки в экспозиции музея.

«Лучами славы озаренный...». В зале основной экспозиции помещен портрет генерал-фельдмаршала Петра Христиановича Витгенштейна, известного как «спаситель Петрополя». Летом 1812 года он командовал Первым пехотным корпусом, который прикрывал петербургское стратегическое направление. Войска Витгенштейна героически проявили себя в сражениях под Клястицами и Полоцком. Портрет знаменитого военачальника находится в коллекции музея с 1962 года, но тайна его авторства до сих пор не раскрыта. В 2020 и 2023 годах были проведены экспертизы Государственным научно-исследовательским институтом реставрации и Государственным русским музеем. Исследователи выдвинули предположение, что портрет принадлежит кисти художника Владимира Лукича Боровиковского.

«Верность руки и глаза. Отечественная война 1812 года в рисунках А.П. Апсита и Н.С. Самокиша». «В 1912 году в России выходили многочисленные печатные издания, приуроченные к 100-летию победы в Отечественной войне 1812 года. Художники А.П. Апит и Н. С. Самокиш активно сотрудничали с крупнейшими издательствами и зарекомендовали себя как выдающиеся мастера книжной иллюстрации.

А.П. Апситу принадлежит цикл иллюстраций к роману-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» для типографии И.Д. Сытина в 1912 году. Это первое иллюстрированное и «научное» издание романа, комментарии к которому составил биограф Толстого П.И. Бирюков. На выставке демонстрируются иллюстрации Апсита к «московским главам» романа. Исполненные драматизма сцены пребывания французов в разоренной Москве автор воссоздал максимально близко к толстовскому тексту.

Как несомненный творческий успех баталиста





Н. С. Самокиша была отмечена серия рисунков, отражавших хронику событий Отечественной войны 1812 года. На выставке представлены иллюстрации из этого цикла, предназначенные для публикации в популярном журнале «Нива» в юбилейном 1912 году. В жанровых зарисовках боевых эпизодов сочетаются творческая фантазия автора и историческая точность батального жанра.

Атака Шевардинского редута, бой за Малоярославец и другие сцены военных столкновений стали темой для акварельных рисунков Самокиша, которые издавались в 1912 году отдельными листами в технике хромолитографии.

В 1906 году, к 100-летию формирования Лейб-гвардии Финляндского полка, была составлена история знаменитой воинской части. Над художественным оформлением многотомного издания работал Н. С. Самокиш. В экспозиции выставки – рисунки униформы и боевых эпизодов из полковой истории, а также заставки к главам книги» (сайт музея-панорамы «Бородинская битва»).

На выставке известного московского художника Сергея Борисова «Путешествие в историю» представлены работы, посвященные Отечественной войне 1812 года. Мы посмотрели красивейшие виды городов России и чудесные виды Франции, жанровые полотна с изображением быта полков русской армии времен Отечественной войны 1812 года.

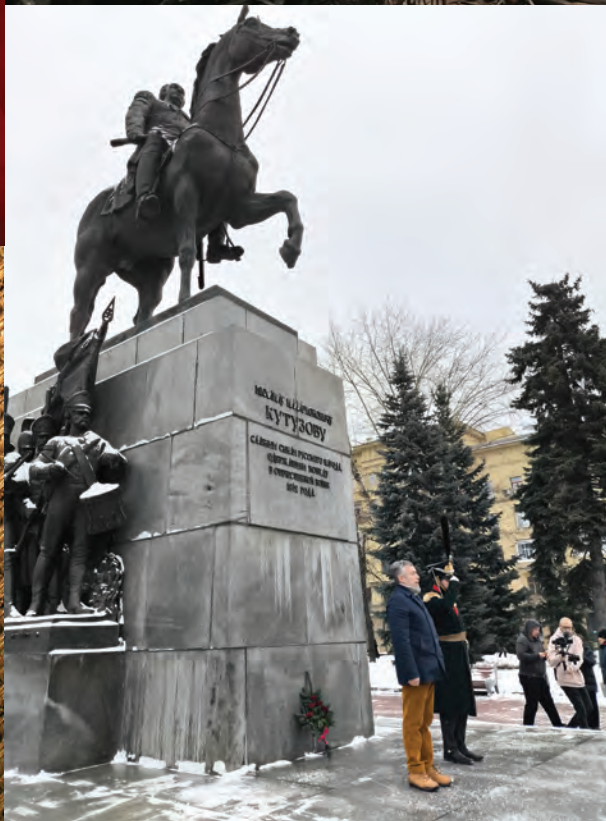
«Автор вдумчиво и профессионально подходит к изображению исторических реалий и солдатского быта начала XIX века. Сергей Борисов неоднократно путешествовал от Москвы до Парижа, попутно создавая современную серию пейзажей исторических мест, по которым проходила русская армия в 1812 году. Рядом с батальными сценами противостояния армий Кутузова и Наполеона в творчестве художника представлены жанровые сюжеты, изображающие солдат в минуты отдыха и на марше. Отдельное место на выставке занимают виды Москвы и Смоленска – городов,

прославившихся в Отечественную войну 1812 года.» (сайт музея-панорамы «Бородинская битва»).

На выставке «Врезаясь в память» представлена коллекция ножей известного реставратора, прекрасного знатока истории и холодного оружия Владимира Алексеевича Понсова. Экспозиция охватывает несколько веков, начиная от новгородского ножа XII века и демонстрирует эволюцию ножа, как старейшего инструмента в истории человечества. На выставке широко представлены популярные исторические ножи стран Европы. Мне было очень интересно увидеть оригинал испанского ножа наваха и сувенирный миниатюрный нож-монету. Отдельное место в экспозиции занимают специализированные типы ножей, применявшиеся в военной экипировке, морском деле и ветеринарии, изготовленные в XVIII-XIX веках.

В заключение мы послушали рассказ коллекционера Александра Спивака о его собрании коробок-бонбоньерок, изготовленных к 100-летию Отечественной войны 1812 года, и с интересом посмотрели представленные экземпляры.





Гибель Адского Зайца

Ланс Цнинский



В моей коробке для неатрибутированных находок давно хранился артефакт в малахитовой патине. Судя по всему, предмет принадлежал домонгольскому периоду, а судя по штифтам для крепления, это была накладка поясного набора. По форме она напоминала что-то зооморфное, поэтому я назвал ее Адский Заяц. Уж явно было в этом «зайце» что-то ненормальное, что-то от языческих идолищ, и, несомненно, такая пластика могла родиться исключительно в голове древнемерянского троглодита.



В лапах адский заяц держал что-то ромбическое, какой-то, как мне тогда казалось, адский языческий амулет.

Перелопатив горы литературы и бесчисленное количество неязыческих сайтов, я не нашел о своем «зайце» ровным счетом ничего. Временами я забывал о его существовании, но когда во время пересмотра содержимого своих коробочек он попадался мне в руки, я застывал и долго задумчиво смотрел в его адское лицо.

— Неужели ты один такой заяц на свете?

Заяц молчал.

Шли годы, и вот совсем недавно один мой приятель,

зная мою болезнь поясными наборами, присылает разный разрозненный шмурдяк по этой теме. Высыпал я этот пакетик на стол и прямо как током шарахнуло! Что-то до боли знакомое!



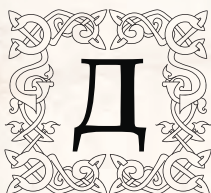
Да это же... это же... ЭТО ЖЕ ОН!

Так «погиб» адский заяц, чему я, признаться, весьма рад, поскольку прошлое оказалось гораздо более светлой историей.



История о трех монетах

Александр Пеший



Дорога с шелестом убегала из-под колес. Я дремал на заднем сиденье. Рассвет только обозначил себя тусклой полоской на востоке, когда мы были уже в пути. В багажнике тихо позвякивали фискари, да бутылка с водой издавала глухие звуки, ударяясь о борт на поворотах.

Сегодня воскресенье и, по всей видимости, последний выезд сезона. Ночью примораживает, днем не более нуля. На следующей неделе точно пойдет снег, и все, до весны можно зачехлить приборы.

Мои напарники, Андрей и Дима, за прошедшее лето порядком поднаторели в картах и теперь выясняли, как лучше попасть на выбранное урочище. По салону были разложены распечатки спутниковых снимков и планов Генерального межевания, «километровый» атлас расположился на приборной панели.

— Подъезжаем, немного осталось, потом по грунтовке еще минут двадцать, и на месте!

Быстро проскочили предрассветный Киржач, я даже не успел толком рассмотреть город. Несколько километров мокрого асфальта, мостик, грунтовка. За рекой уходим левее.

— Деревня на берегу была? — я проспал обсуждение плана «осенней кампании».

— Да, почти у воды. Но разве по ПГМ толком разберешь? Погрешность до ста метров более чем допустима.

Мы двигались на запад по проселку. По правой стороне стоял хмурый еловый лес, по левой узенькая речка заплетала причудливые узоры.

— Вот сейчас за ручьем дорога повернет на север и начнется резкий подъем. На самой макушке — деревня.

Действительно, через несколько сотен метров лес отступил, и мы выкатились на луг. От маленького заливного луга шла первая надпойменная терраса, метров через сто над ней нависала огромная ступень второй террасы. Из-за ее крутого склона выглядывали макушки елок.

— Ого! И где здесь стояла деревня? — Андрей прибавил газу и загнал машину на самый верх.

Поразительная картина открывалась с этой площадки. Местность ступенями убегала из-под ног, у конца гигантской лестницы в ивняке журчала речка, поля на том берегу переходили в опустевшие дачные участки с пожухлыми гортензиями и редким дымком над трубой. Все замыкал могучий лес у горизонта, на котором лежало ноябрьское небо.

— Умели места выбирать...

— Да...

Вдруг у самого моего уха раздался нечеловеческий крик, скорее даже гортанный вой. Эхо прокатилось по округе. Лес ответил выстрелом из охотничьего ружья.

Дима стоял к нам спиной и кричал на елки.

— Ты чего? Что случилось?

— Выход негатива. Поработай недельку у нас в офисе, не так завоюешь.

— Ты в следующий раз предупреждай, когда у тебя такой «выход» начнется! А кто стрелял?

— Охотники, наверное. Испугались.

В подтверждение Диминых слов из леса выбежал сеттер, немного покрутился вокруг, понюхал и исчез.

Открыли багажник, стали доставать приборы и еду. Перед началом поиска следовало немного подкрепиться.

— Думаю, деревня стояла на нижней террасе, — сказал Андрей, разливая чай.

— Почему?

— Во-первых, к воде ближе: чтобы скотину поить, можно брать прямо из реки, сюда наверх не натакаешься. Во-вторых, если копать колодец, то лучше там, внизу. Смотри, какой перепад высот: от первой до второй ступени метров пять-шесть. Наверняка под нами воды нет, а если и стоит, то глубоко.

— А в-третьих, — заметил Дима, умело прилаживая толстый кусок колбасы на хлеб, — местность повышается к северу. Таким образом, деревня была хорошо закрыта от холодных ветров второй надпойменной террасой.

— Резонно.

Мы наскоро перекусили, собрали приборы и двинулись по луку редкой цепочкой. Точнее сказать, каждый пошел в свою сторону.

Мне, как и всегда, попадались одни железки. То кольцевая муфта от трактора снесла дискрим, то ржавый топор забрался на глубину. Для деревни железа было маловато. Вскоре все вышли к обрыву и начали спуск, только Дима задержался почти на самой бровке и что-то ожесточенно копал.

— О! Первая!

— С почином! Что поднял?

— Двушка. Похоже, перечекал! Ну-ка... 1766! По том почишу.

Мы спустились к реке. Вот уж где железо водилось в избытке, так это здесь! Вся первая терраса была засеяна старыми гвоздями и обломками утвари.

На один проход прибора нам доставалось по шесть-семь «черных» сигналов, выдернуть среди них заветный «цветной» было весьма сложно.

Особо не рассчитывая на успех, я двигался челноком параллельно речке. Иногда попадалась «денга» или «полушка», сталинский пятак обманчиво засветил желтым боком. Собственно, последний выезд — он больше сентиментальный, чем прикладной, рабочий. Вспоминаешь уходящий сезон, где был, что видел, успел или не успел сделать задуманное.

Подожел Андрей, поинтересовался успехами.

— Думаю, нужно определить край поселения, там и походить. Центр весь завален железом — сказал он мне.

— Тогда пойдем в лес.

— Зачем в лес? Вот же конец деревни у дороги.

— Не-е. Я мыслю четырехмерно. Длина, ширина, высота + время! Это сейчас здесь дорога и лес, а лет семьдесят, даже пятьдесят, назад, этого леса тут могло не быть. Если дорога и поворачивала, то за ней, возможно, стояли дома.

Так оно и получилось. От опушки в глубину леса уходила широкая полоса из металломусора. Цветные сигналы, как всегда, умело прятались.

Слоняясь по опушке и разглядывая пустое небо, я закрывал свой сезон. Солнце подкатилось к закату, когда ребята позвали меня на перекус. Машина стояла на прежнем месте, и я поспешил присоединиться к компании.

— Сейчас покушаем, потом побродим еще немного и станем собираться, — сказал Дима.

— Да. Нужно до асфальта засветло доехать, да и вообще путь не близкий, а темнеет рано.

Допили остывший чай и снова за лопату. Андрей ушел первый и уже приблизился к краю террасы, Дима двигался чуть левее, а я забрал вправо.

В глухом бульканье черных сигналов мы явно услышали на приборе Андрея четкое «дзынь». Он остановился и сделал так: «Дзынь... дзынь, дзынь!»

— Ага! Что-то попалось!

Стоя в нескольких метрах от обрыва, Андрей «выводил» сигнал. Закатный луч блеснул на острие фискаря, и лопата ушла в землю. Несколько томительных секунд.

— Вот она!

— Кого поймал?

— Двушка. Смотри-ка, в сохране... 1766.

— Ха, как у меня, — ответил Дима, — не перечекан, часом?

Смутные подозрения закрались мне под кепку. «Да ну, — сказал я себе, — нет, вряд ли...»

Тем временем Андрей развернулся и пошел вдоль обрыва. Метров через тридцать опять сделал поворот на сто восемьдесят градусов и стал двигаться параллельно своим следам. На третьем таком проходе, почти в самой дальней его точке, прибор выдал чистый сигнал. Я воткнул фискарь в землю, прислонил к нему прибор и поспешил в самый центр событий. Дима уже был у раскопа.

— А вот это заявка!

На третьей двушке сквозь патину проступали цифры 1766. С обратной стороны повис зеленый полумесяц «стопного пятна». Монетка явно провела не один год со своими сестренками во влажной почве.

Мы прекратили поиски. Нужна рекогносцировка. Три монеты одного номинала, одного сохранила, одного года...

— Дима, ты закопал ямку от первой монеты?

— Конечно, но сейчас найду.

— Воткни рядом с ней фискарь.

— Андрей, воткни свою лопату в эту ямку, а я свою воткну в то место, где ты поднял вторую монету.

Через минуту три оранжевые ручки торчали из высокой травы, выстроившись в почти правильную прямую. Теперь предстояло узнать, где она начиналась и где заканчивалась. Солнце, падая за горизонт, нездоровым огоньком заиграло в глазах моих компаньонов.

— Распашка? — спросил Дима.

— Однозначно! Слишком много совпадений и вдогонку «стопное пятно», — ответил Андрей.

— То-то мне столько запчастей от трактора попало. Похоже, при Советах поле активно перепашивали и растащили плугами горшок.

— Давай-ка поторопимся, через полчаса совсем стемнеет.

Мы взялись за приборы. Но ни через десять, ни через двадцать минут ничего путного найдено не было. Через полчаса стемнело. В дачном поселке на том берегу зажегся одинокий фонарь. Начал накрапывать дождик. Результаты отсутствовали.

— Неужели это все? Не поверю!

— Сам видишь, пусто. На три клюшки ничего нет.

— Нужно разбить на квадраты. Монетки могло издали притащить. Скажем, сорок лет — это восемьдесят перепашек, прибавь борошение...

— Сегодня уже ничего не получится, по такой темноте мы даже в поле заблудимся, ориентиров не видно.

— Тогда на завтра!

— Завтра понедельник, всем на работу. В среду снег и мороз, я прогноз смотрел.

— Что же выходит? До апреля?

— Почему до апреля? Может, до марта! По крайней мере, мы знаем, где начнем следующий сезон.



Миф о «золотом» чемодане Керченского музея древностей

Евгений Иванов

Особое место в истории цивилизации занимают легендарные клады. Они будоражат воображение людей и притягивают к себе всевозможных авантюристов, жаждущих мгновенного обогащения. Как правило, судьба таких кладов покрыта туманом тайны. Невозможно сказать, существуют ли они в реальности, но множество людей в них свято верит.

Наше повествование мы поведем об одном таком кладе, причем его история началась не в глубокой древности, а в наше время. Тем не менее, загадок и тайн вокруг него огромное множество. Речь идет о знаменитом «золотом» чемодане с экспонатами Керченского музея древностей, имеющими мировое значение. Он пропал во время Великой Отечественной войны, и с тех пор его мечтают найти многие кладоискатели. Однако насколько обоснованы их надежды, не гонятся ли они за фантомом? О том, как возник миф об этом кладе и какова реальность, мы и поговорим.

Об этом легендарном чемодане известно, на самом деле, не так уж и много. Сведения о его «приключениях», доступные исследователям, весьма противоречивы и неоднозначны. В разных источниках и исследованиях картина выглядит по-разному. Чему верить, что считать реальностью, а что откровенным вымыслом, разобраться крайне сложно, но мы попробуем.

Итак, история с легендарным древним золотом Керченского музея началась в сентябре 1941 года. В это время к городу подступали немецкие войска, и, естественно, остро встал вопрос об эвакуации экспонатов местного музея. А они, если верить официальным документам, представляли собой немалую ценность: одних артефактов из золота и серебра было чуть ли не восемьдесят килограммов. Все ценности успели вывезти до захвата города фашистами, а затем они бесследно исчезли. Вот, пожалуй, и все, что известно об этом деле официально.

Но, если взглянуть внимательно в детали и обстоятельства тех далеких событий, а главное, посмотреть на них критически, то возникает множество неудобных вопросов.

Согласно общепризнанной версии событий, в сентябре 1941 года музейное имущество было аккуратно упаковано в девятнадцать ящиков. В основном в них были архивы музея и научная документация, ну и какие-то экспонаты второстепенного значения. А вот самое ценное сложили в отдельный большой ящик под номером 6 и упаковали в фанерный чемодан, обитый

черным дерматином (его принес из дома сотрудник музея, в описи он значился под номером 15).

В чемодане находилось целых семьсот девятнадцать золотых и серебряных, уникальных в своем роде предметов. Все их перечислять не будем, отметим кратко только некоторые: античные и средневековые монеты, так называемый Марфовский клад из захоронения готов эпохи III – V веков, различные древние украшения и еще много предметов, которые по габаритам едва ли поместились бы в чемодане. Все это артефакты из золота и серебра, общий вес которых составил ни много ни мало — аж восемьдесят килограммов!

Несколько странно, вы не находите? Прикиньте соотношение веса и габаритов. Они никак не могут соответствовать обыкновенному, привычному нам бытовому чемодану, однако такая деталь никого не смущает. Ладно, поставим галочку напротив сомнительного факта и пойдем дальше.

Что находилось в чемодане согласно традиционной версии, нам теперь понятно. Теперь проследим, как сложилась его судьба. В официальных бумагах его почему-то именовали «золотым», хотя, судя по всему, золота там было, скорее всего, только на половину содержимого. Чемодан обвязали ремнями и запечатали сургучной печатью Керченского горкома. Каким образом это происходило, в подробностях неизвестно: связь между аппаратом партии и провинциальным музеем возможна, но в критический момент у партийных начальников были более важные задачи по эвакуации архивов, производств и людей.

Все ящики с имуществом музея, включая «золотой» чемодан, погрузили на катер и 26 сентября 1941 года эвакуировали в Тамань. Сопровождали груз сам директор музея Юлий Марти и почему-то инструктор Керченского горкома ВКП(б) Ф. Т. Иваненкова. И вот тут в официальной версии всплывает первое несоответствие с действительностью: Юлий Марти на тот момент уже не являлся директором, а с 1939 года был всего лишь заместителем директора музея по науке. Это совсем разные должности. Ошибка?

Оставим пока музейное имущество на другом берегу Керченского пролива и приглядимся к самому музею. История его началась еще в 1826 году, и первоначально он именовался Керченским музеем древностей. Основой его фондов стала личная коллекция Поля Дюбрюкса, сложившаяся в начале 1800-х годов. Как собирались в ту эпоху антикварные коллекции, сейчас хорошо известно. Получив распоряжение по поиску экспонатов для Эрмитажа, местные администраторы

организовали раскопки окрестных курганов. Самое ценное из найденного отправлялось в столицу, остальное расходилось по частным собраниям.

Но главное не это, а то, что во время неудачной Крымской войны 1853–1856 годов Керченский музей оказался разрушенным, а его экспозиция была разграблена, причем наиболее ценные экспонаты «культурные» англичане увезли к себе для пополнения собраний Британского музея, где, говорят, они пребывают и поныне. Одним словом, к 1856 году музей перестал существовать. Очевидно, что надо было все начинать с нуля, то есть опять копать.

Что же ценного удалось найти сотрудникам музея с 1857 по 1917 год? Сказать сегодня сложно. Можно допустить, что его фонды содержали битые черепки старинной посуды, фрагменты античных скульптур и архитектурных деталей, разбавленные бронзовыми военно-бытовыми предметами прошлого. Это вполне реально. Можно, конечно, с натяжкой допустить, что в музее были экспонаты из драгметаллов, но это очень сомнительно. Как показывает опыт, найти, раскапывая древние поселения или могильники, предметы из серебра, не говоря уж о золоте — редкая удача для археолога. Это сразу становится событием в научном мире. Поэтому будем все-таки реалистами.

Наступил злополучный 1917 год, время безвластия и беззакония. То красные, то белые, то опять красные, и все норовят пограбить. Активизировались и местные черные копатели, расхищавшие окрестные археологические памятники. С ними даже боролись, причем противостояние достигло такого накала, что в 1918 году раздраженные копатели убили директора музея В. В. Шкорпила. То есть в Керчи творился откровенный беспредел. Неужели в таких условиях никто не решился поживиться музейными ценностями, если они там действительно были? Сведений об этом нет. Видимо, все прекрасно знали, что в музее не хранится ничего ценного.

В марте 1921 года, когда в Крыму прочно установилась советская власть, Юлий Оскар Матвей Юльевич Марти был назначен директором Керченского музея древностей.

Приглядимся к этой интересной личности. По национальности он был немец, по происхождению — сын статского советника, то есть, очевидно, из дворян, а в те времена это было почти эквивалентно преступлению. Лишенец, а с началом войны с фашистской Германией и подавно. Но репрессиям ни в 1930-х, ни в 1940-х годах он не подвергался, что необычно для той эпохи. Почему этот социально и национально враждебный элемент проглядело бдительное око НКВД, остается загадкой.

Кстати, и тут имеются нестыковки: есть сведения, что с 1920 по 1923 годы музеем заведовал совсем другой человек. Получается, было параллельно два директора? Какая-то странная ситуация. Кроме того, не все ясно и с самим зданием музея: до 1922 года он помещался в одном месте, после этого власти предоставили

ему другое помещение. Непонятно, чем мотивировано такое решение. Как известно, один переезд равен двум пожарам. В общем, какими ценностями владел музей в начале двадцатых годов, сказать сложно, но есть серьезное подозрение, что катаклизмы критически повлияли на сохранность его фондов.

Единственная известная ценная находка, сделанная в 1926 году, — это так называемый «Готский клад» III-го века из погребения готской женщины у деревни Марфино. Случайно откопанные в нем местным крестьянином золотые украшения были буквально силой изъяты Ю. Ю. Марти. Вес украшений, судя по сохранившимся фотографиям, не мог быть значительным. К слову, история с этим захоронением довольно мутная, из анализа разных описаний не возникает единой картины обнаружения находок и поступления их в музей, показания плавают. Вот, собственно, и все богатство.

Возникает вопрос: откуда набралось золота и серебра на целых пять пудов? Металлоискателей тогда не было и в помине, а без них много ли накопашь? Во всяком случае, массовые случайные находки исключаются. Да и трофеи при раскопках далеко не такие впечатляющие и богатые, как думают многие. В общем, с ценными экспонатами все выглядит как-то подозрительно, неоткуда было им взяться.

Но вернемся в 1941 год. Керченский музей не один нуждался в спасении от нашествия захватчиков, в аналогичной ситуации оказалось множество других музеев. С эвакуацией возникали сложности.

Возьмем для примера Одесский археологический музей. С началом войны из его фондов изымали предметы из драгметаллов и передали в Госбанк, а остальные экспонаты так и остались на своем месте. Их судьба оказалась печальна: музей был полностью разграблен румынами. Правда, в самом конце войны что-то удалось отбить и вернуть в музей, но потери все равно невосполнимы.

И это судьба Одесского музея, а Одесса и по численности населения в несколько раз больше Керчи, и по культурно-экономическому значению несопоставима. Однако в фондах ее музея драгоценностей на несколько пудов не оказалось, в отличие от второстепенной Керчи. Как мы говорили, «готский клад», хоть и был по большей части золотой, но тянул, включая монеты и различные украшения, на несколько килограммов, не более.

Посмотрим на дальнейшие приключения нашего чемодана. На Тамани музейный груз повезли в Краснодар. Как сообщается, всю дорогу при этом нещадно бомбили. В это можно поверить, но в то, как официально описывают это, верится с трудом. Вот цитата: «Ю. Ю. Марти старался уберечься от падающих бомб на обочинах дороги, а иногда, при интенсивной бомбежке, прятался в воронках вместе с золотым чемоданом».

Из этого можно сделать вывод, что Марти в свои шестьдесят лет был могучий силач, если легко бегал от бомб с восьмидесятикилограммовым чемоданом в

руках. В реальности такой вес могут поднять два сильных человека, но никак не один старик, и это хорошо представляет себе любой грузчик. Те, кто сочинял и эту историю, явно ничего тяжелее авторучки не поднимали, отсюда и такие неправдоподобные детали. Одним словом, и тут усматривается откровенное вранье. Зачем оно понадобилось? Неясно. Еще один неудобный вопрос. Ладно, возьмем этот факт на заметку и пойдем дальше.

Добравшись до Краснодара, музейное имущество, включая «золотой» чемодан, сопровождающие сдают в местный краеведческий музей, о чем говорит сохранившийся до нашего времени акт приемки.

На тот момент Краснодарский музей был достаточно бедным, экспонатов в нем было немного. Почему именно ему передали все, включая ценности государственного значения, неясно. Судьба музея во время войны и оккупации практически неизвестна. А вот после сдачи эвакуированного имущества у Ю. Ю. Марти случился сердечный приступ, и он оказался в местной больнице. С этого момента к имуществу своего музея и, в частности, к чемодану, никакого отношения он уже никогда не имел. Как говорится, сдал и забыл.

Уже к августу 1942 года Краснодар оказался под угрозой захвата противником. И тут происходит некое чудо. Неведомым образом Керченские фонды переносятся в Армавир и складываются почему-то в помещении тамошнего Горисполкома. Сотруднику этого учреждения А. М. Авдейкиной «золотой» чемодан передает уже знакомая нам инструктор Ф. Т. Иваненкова. Происходит это в феврале 1942 года.



Юлий Оскар Матвей Юльевич Марти

Да, но позвольте, все было формально сдано в Краснодарский музей еще несколько месяцев назад! В чем причина перемещения Керченских фондов в другой город, когда еще нет никакой угрозы? И откуда опять всплывает инструкторша, сопровождавшая в сентябре 1941 года ценности, включая таинственный чемодан? Она что, приставлена к нему по партийной линии? И почему передает его на хранение не в предназначенный для таких целей Госбанк, что было бы логично, а на руки какой-то рядовой советской чиновнице, у которой и сейфа-то, видимо, не было? Ценности в пять пудов драгметалла лежат, по сути дела, на «улице», без всякой охраны, бери, кто хочет! Очень странная ситуация. Вообще стоит отметить, что все источники сильно разнятся в деталях.

Тут есть еще одно важное обстоятельство. Когда впоследствии начали наводить справки об этой Ф. Т. Иваненковой, выяснилось, что ее никто не знает, ни в каких партийных документах она не значится. Получается, что инструктор — мифический, который кем-то выдуман? Тут начинают возникать серьезные сомнения относительно перевозки чемодана и остальных фондов в Армавир. Если такой человек не существовал в реальности, то каким образом он мог его туда доставить? Мистика.

Кстати, именно с этого момента дальнейшая судьба чемодана документально ничем не подтверждается, все знания о нем основываются только на свидетельствах А. М. Авдейкиной. Ее рассказ, мягко говоря, миф, в котором она выглядит самоотверженным советским человеком. По ее словам, когда в самом начале августа 1942 года немцы подошли к Армавиру, город нечаянно бомбили, и все ящики с имуществом Керченского музея погибли под бомбами, но чемодан хранился отдельно и не пострадал. А. М. Авдейкина до прихода фашистов тяжело болела, но в самый решающий момент, хотя и чувствует некоторую слабость, повинувшись какому-то государственному инстинкту, бежит в здание Горисполкома (зачем, она толком не объясняет).

Там в одной из комнат она находит всеми забытый «золотой» чемодан, и это в момент, когда враг вот-вот ворвется в город и все здравомыслящие люди, а советские чиновники в первую очередь, уже давно бежали. Немцы тогда наступали стремительно, и зачастую эвакуировать что-либо было просто невозможно. А если верить этому свидетелю, то о содержимом чемодана никто ничего не знал, и не потому, что это была какая-то особая тайна, а просто об этом никого не информировали. Разумеется, на него в суматохе бегства никто не обратил внимания.

Однако чемодан нужно было срочно спасать от захватчиков, причем делать это пришлось прямо под бомбами. Справиться с ним в одиночку А. М. Авдейкина была не в состоянии. И вот чиновница, призвав на помощь мальчишку-племянника, из последних сил волочет эту пятипудовую ношу. Бредут они, по ее словам, на какой-то неопределенный эвакуационный сборный пункт. Там она встречает своего начальника — самого председателя Горисполкома, и просит его помочь.

Это в момент, когда, по ее же словам, в городе уже пусто. Тот, поняв всю важность задачи, находит для транспортировки сокровищ целый грузовик. Откуда он мог взяться, если в городе никого нет? И что, в тех обстоятельствах машине не нашлось бы более полезного применения, чем везти один-единственный чемодан? Логичней было бы привлечь для этой цели легковой автомобиль, но, думается, и с ним возникла бы проблема. В общем, обстоятельства времени и места мало реальны.

Чем же закончились странствия чемодана? Тоже весьма необычно. Шоферу приказали ехать в станицу Спокойная, что приблизительно в ста километрах от Армавира. Начальник приказал А. М. Авдейкиной сдать ценности в Госбанк станицы его заведующему, некоему Я. М. Лободе (правда, есть также сведения о другом пункте назначения, городке Прохладном, что в трехстах километрах, что выглядит более логично).

Эта часть ее свидетельств вызывает большие сомнения. Ну посудите сами: станица Спокойная — мелкий населенный пункт, тогда примерно с двумя-тремя тысячами жителей в лучшем случае. И то, что станицу обслуживало целое отделение Госбанка, выглядит не реалистично. Кстати, там и сегодня на всю станицу только одна сберкасса, хотя жителей больше, чем до войны. К тому же, почему именно туда, а не куда-нибудь в Грозный или еще дальше? Ведь в тот период Вермахт продвигался со скоростью несколько десятков километров в сутки, и было очевидно, что эти сто километров немцы пройдут за два-три дня. Как быть тогда? Опять куда-то экстренно бежать?

Героическая А. М. Авдейкина с риском для жизни добралась до станицы и сдала заветный чемодан заведующему Госбанком. Правда, никаких документов, подтверждающих этот факт, нет или не сохранилось. Больше она чемодан не видела, а вскоре сама оказалась задержана немцами. Судя по всему, она тут темнит. Говорит вроде бы и складно, но как-то неправдоподобно. Ее рассказ спустя десятки лет выглядит фантастично, однако это почему-то никого не удивляет.

Что же было дальше? Этот самый заведующий местным Госбанком в начале августа 1942 года, когда немцы уже оккупировали станицу, погрузил чемодан и наличку на подводу и отправился на поиски неких партизан. Как он планировал их найти, остается загадкой, причем немецкие посты не обратили на него ни малейшего внимания. Видимо, с их точки зрения — что взять с грязного русского мужика? Пускай едет, куда хочет.

А за чемоданом, между прочим, если опять верить свидетельствам, уже, высунув язык, охотилась зондеркоманда, посланная чуть ли не самой Аненербе. Тут не грех задаться вопросом: а откуда, собственно, в далекой Германии прознали о Керченских сокровищах и их одиссее по Кубани и Северному Кавказу? Аненербе ведь не Абвер, а сугубо научное учреждение. Складывается впечатление, что приплели сюда немцев с одной лишь целью: списать на них всю вину за пропажу ценностей.

Несмотря на такой ажиотаж вокруг чемодана, заведующий Госбанком свободно, без всяких документов,



Марфовский клад

едет по оккупированной территории, словно и нет никакой войны. Немецкие патрули путником не интересуются, причем, видя чемодан в телеге, они его просто ленятся открыть и осмотреть. А вот нашу героическую чиновницу немцы в это время моментально задерживают в толпе беженцев на дороге и сажают в лагерь.

Да, немцам удача не улыбнулась, чемодан с сокровищами им так и не достался. Что подедаешь — арийцы, куда им до сноровистых славян! Хотя совершенно очевидно, что немцам этот пресловутый чемодан был попросту до фонаря, а может, они о нем и вообще не подозревали.

Тем временем Я. М. Лобода, опять-таки, если верить свидетельствам, благополучно добрался до некоего партизанского отряда, оперировавшего в Спокойненских лесах предположительно где-то в самом конце августа 1942 года, и там передал командиру все вывезенные ценности и деньги. В первых числах сентября отряд якобы двинулся к перевалу. Ну возможно, что тут надо хорошо знать местную географию.

Однако к 17 сентября 1942 года выяснилось, что сам чемодан есть, а вот золота и серебра в нем уже нет ни грамма. Куда же все подевалось? Оказывается, незнателные бойцы все растащили, причем, как утверждают, о содержимом чемодана знали лишь единицы. Но в небольшом коллективе шила в мешке не утаишь.

Существуют показания и воспоминания нескольких членов этого отряда. В них описывается только сам факт расхищения из чемодана сокровищ, но о том, что и сколько было украдено бойцами, конкретно, нет ни единого слова. А предметов-то в нем было семьсот девятнадцать единиц на целых пять пудов, и все это из драгметаллов! Конечно, партизаны отряда, видимо, в своей массе были темные крестьяне и ничего не понимали ни в искусстве, ни в археологии, но про золото и серебро понимали: предметы из этих металлов можно было всегда обменять на продукты или что-то необходимое.

На первый взгляд это выглядит правдоподобно, но при критическом анализе становится ясно, что не все так гладко. Судите сами: чемодан нашли пустым. Один боец физически не мог незаметно украсть все его содержимое. Значит, должна была действовать целая группа людей. А, если так, то кто-нибудь из воров обязательно бы проболтался или настучал начальству. При этом боец, имея в заплочном мешке некоторое количество халявного золота и серебра, скорее всего, сбежал бы на следующий день в неизвестном направлении. Кто будет рисковать жизнью в бою, имея килограмм золота? Говорить в тот момент о какой-то идейности или сознательности простого крестьянина, ставшего вдруг партизаном, как доказали все исследования, наивно.

В то же время и закапывать украденные ценности в укромном месте, как в фантастических рассказах о разбойниках и пиратах, они вряд ли бы стали: бойцы прекрасно понимали, что вернуться обратно в эти же места и забрать ценную добычу, возможно, шансов не будет. Относительно своей судьбы они не строили иллюзий. Иначе говоря, практический смысл от такого воровства просто-напросто пропадает. В общем, если добычу реально нельзя выгодно реализовать в ближайшем будущем, то зачем идти на риск оказаться под трибуналом? Люди все-таки не дураки, понимали, что и за меньшее расстреливали.

Кроме того, разбирая свидетельства, замечаешь еще один интересный нюанс. Все свидетели словно хотят убедить нас, что да, чемодан был, но потом как бы волшебным образом исчез. Сообщают об уже пустом чемодане, о каких-то музейных бирках, якобы повсеместно валявшихся на дороге, и о мелькавших в руках некоторых бойцов каких-то неопределенных малозначительных предметах, якобы из того чемодана. Только к действительным официальным ценностям, судя по описаниям, они не могут иметь никакого отношения. Люди, говорившие об этом, совершенно, не представляли, как должны были выглядеть древние экспонаты.

Это не какие-то банальные царские червонцы или ювелирный ширпотреб из золота, понятный даже малограмотному человеку, а специфические вещи, ценность которых непосвященному определить практически невозможно — не хватит ни ума, ни знаний. Думается, что и командиры, и рядовые партизанского отряда,

попади к ним на самом деле эти сокровища, не поняли бы их значения для государства и подлинной стоимости, а значит, едва ли могли проявить к ним какой-то корыстный интерес. Это подтверждает вся практика антикварной торговли.

Что любопытно — все немногочисленные свидетели дружно начинают бездоказательно грешить на неких придуманных несознательных бойцов, а затем и вовсе скатываются на разговоры о ворах в совершенно обезличенном виде. Интересно и то, что все фигуранты расхищения отправились на тот свет задолго до освобождения этого края Красной Армией. Вскоре, примерно в декабре 1942 года, партизанский отряд немцы почти полностью уничтожили. В живых практически никого не осталось, а сокровища бесследно сгинули. Да, свидетели вроде бы есть, но вот «обвиняемых» и даже участников тех событий физически просто нет.

Но миф о чемодане с золотом не умер: уже после освобождения Северного Кавказа от оккупантов его судьбу пытались выяснить компетентные органы. Но, как это всегда бывает, у них все гладко получалось с врагами народа, а вот в таком специфическом деле они «поплыли». Получился банальный «висяк», и дело постарались спустить на тормозах. К тому же живых обвиняемых в распоряжении следствия не было, а малочисленные и второстепенные свидетели не внесли ясности в картину былых событий. Хотя, как утверждают, подследственных «трясли» с особым пристрастием, но результат оказался нулевой. Никаких следов сокровищ компетентные органы так и не нашли.

Мелькнуло в 1946 году сообщение о каких-то местных мальчишках, нашедших якобы чего-то такое золотое, похожее на древность. Но вот что это было конкретно, и, главное, куда находка потом исчезла, история до нас не донесла. К тому же доверять оценкам дилетантов в такой специфической области не стоит. Они могут вполне искренне и ржавую подкову объявить золотой диадемой. Поэтому все это выглядит домыслами и фантазиями, которые со временем стали основой для последующих газетных публикаций и даже экранизации.

Итак, мы разобрали все обстоятельства в деле пропавших ценностей Керченского музея, и единственный вывод, который можно сделать, что это кем-то ловко придуманный и запущенный миф. Сразу возникает резонный вопрос — а зачем? Тут и начинается самое интересное.

Очевидно, что никакого пятипудового «золотого» чемодана не существовало. Но «дыма без огня не бывает», скажете вы. Конечно, какие-то ценности в фондах музея были, но далеко не такого масштаба и значения, о котором стали кричать впоследствии газетчики.

Сама эвакуация имущества музея в тот момент представляется сомнительным мероприятием. Все музей, даже высшего уровня, оказавшиеся под угрозой захвата немцами, фактически были брошены на произвол судьбы, и яркий пример тому — Одесский музей.

Что тут можно говорить о каком-то второстепенном провинциальном музее? Кому до него в момент

катастрофы было дело? Кроме того, в некоторых описаниях еще первой оккупации Керчи в ноябре-декабре 1941 года упоминается разграбление ее музея солдатами вермахта. Но что они могли там умыкнуть, если, как утверждают, все было уже вывезено? Может, и оставались какие-нибудь древние камни, черепки, но кому они в той обстановке были нужны?

Впрочем, если какое-то количество ценных исторических артефактов и удалось вывезти из обреченной Керчи, то они таинственным образом растворились. Куда они могли деться? Тут возникает единственная вполне логичная версия. Рассмотрим ее.

Для этого опять нужно обратить внимание на личность главного героя всей этой истории, а именно сотрудника Керченского музея Ю. Ю. Марти. По тем временам — персона крайне подозрительная. Как мы уже отмечали, немец по национальности, социально чуждый элемент по происхождению. Думаю, к советской власти у него отношение было не столь дружелюбным, как это хотят представить некоторые.

Это подтверждается тем фактом, что его ближайшие родственники оказались обыкновенными изменниками Родины и сотрудничали с оккупантами, а после с ними и сбежали на Запад. Но если его дети стали откровенными предателями, причем один из них при оккупантах занимал должность директора Керченского музея, то и настоящая политическая позиция их отца, думаю, очевидна. А этот факт аккуратно обходится стороной. В общем, куда глядели тогда соответствующие органы, как-то не совсем понятно.

Для понимания тогдашней обстановки стоит посмотреть на первые два года войны. Враг с триумфом шествует по России, круша все на своем пути. Кажется, еще чуть-чуть, и Советам крышка. Что при таких обстоятельствах должны делать простые люди? Естественно, спасаться, кто как может. Ну а спасаться с пустыми руками нелегко, поэтому следует брать все, что плохо лежит рядом. Это хорошо нам известная психология советского человека. Кто-то в тот момент пытался грабить магазины, а кто-то действовал тоньше.

Ю. Ю. Марти, являясь ответственным сотрудником Керченского музея, в тогдашней суматохе и всеобщей панике сентября 1941 года собирает все ценные экспонаты и увозит их с собой в эвакуацию. Думается, по физическим параметрам ноша была вполне подъемной для человека его возраста. Дальше он оказывается в Краснодаре и вступает в контакт с тамошним музеем. Думаю, не нужно говорить, что мир, в котором работал Ю. Ю. Марти, был очень тесным, поэтому нет никаких сомнений, что со своими краснодарскими коллегами он был и ранее хорошо знаком. Может быть, ему не пришлось их особо чем-то заинтересовывать, сработала профессиональная солидарность, и они составляют фиктивный акт о передаче какого-то баснословного количества бесценных артефактов на баланс их музея. Фиктивный акт, как утверждают, сохранился.

Юридически это не что иное, как обыкновенная подделка документов. Таким образом, он отвел от своей

персоны все возможные в будущем подозрения и обвинения в присвоении государственного имущества. Да, со стороны закона Ю. Ю. Марти вроде бы оказался совершенно чист, и никаких претензий к нему никто так никогда и не предъявил. И, похоже, напрасно. Но война, как говорится, все списала, она и не такое списывала.

Стоит вкратце проследить дальнейшую судьбу самого Ю. Ю. Марти. После «сдачи» ценностей коллегам у него случился сердечный приступ и, как сообщается, в дальнейшем он продолжал тяжело болеть. Ну да, возраст преклонный, здоровье слабое, все правдоподобно. Но складывается такое впечатление, что за приступами и болезнями скрывается одно желание — отойти от науки, уйти в тень и «лечь на дно». Скрыться в больнице, сказать больным. Ну какой спрос с человека, лежащего якобы при смерти? Однако с приходом немцев он выздоравливает, от приступов и болезней не осталось и следа.

Судя по его биографии, наш археолог остается на оккупированной территории и работает якобы учителем в сельской школе где-то в Кабардино-Балкарской АССР. Там, стоит отметить, некоторый процент населения составляли немцы, то есть его соплеменники. Этим объясняется выбор места, где можно пережить трудное время.

Непонятно, чему он мог учить крестьянских ребят: древним языкам, античной археологии, в которых знал толк? Сомнительно, чтобы эти дисциплины были востребованы в сельской школе.

Оккупацию Ю. Ю. Марти благополучно переживает, немцы не обращают на него никакого внимания. А он был, на минуточку, исследователем и археологом если не мирового уровня, то хорошо известным в определенных кругах, к тому же немцем по национальности, по терминологии третьего рейха — фольксдойче. А тут и зондеркоманда Аненербе мечется в поисках его чемодана по всему Северному Кавказу, и в Крыму что-то ищут археологи-нацисты, да и сама Таврида объявляется родиной ариев. Казалось бы, использовать его в этих поисках просто сам бог велел.

Но такую величину никто даже не пытается привлечь к сотрудничеству для подтверждения исторических арийских теорий. На фоне политической активности нацистов на всех захваченных ими территориях это выглядит как-то странно.

Конечно, прямых доказательств нет, но можно с большой долей вероятности предположить, что какой-то контакт между ним и фашистами мог иметь место. И не вызовет удивления, что вывезенные им в свое время из музея ценности он за солидное вознаграждение передал немцам, а те постарались сохранить сделку в тайне. Кстати, не нужно представлять немцев какими-то альтруистичными людьми, все тащившими в закрома Рейха.

Они, думается, были совсем не прочь погреть руки на чужих антикварных ценностях, поэтому информация о таких делах, естественно, не афишировалась и всячески скрывалась. Следовательно, скрыть контакт было выгодно как нашему археологу, так и нацистам.

Что опять-таки очень свойственно антикварному бизнесу. При этом многие исследователи такое обстоятельство не учитывают, наивно полагая, что сокровища немцам не достались. Где теперь эти сокровища, в том числе и вожделенный нацистами «Готский клад», никто уже никогда не узнает.

А Ю. Ю. Марти через год после окончания войны бросил «учительствовать» на селе и возвращается в Крым, но почему-то работает в Херсонесском музее, и только в 1948 году оказывается на должности главного хранителя Керченского музея, несмотря на пятна в своей биографии. Там он прослужил до самой своей смерти в 1959 году. Тайну пропавших сокровищ довоенного музея он, видимо, унес с собой в могилу.

Теперь, очевидно, настало время ответить на главный вопрос: а откуда, собственно, пошел миф о пресловутом «золотом» чемодане? Оказывается, что его распространяют сами сотрудники Керченского музея. Можно заподозрить, что первоисточником слухов, выкристаллизовавшихся в дальнейшем в целую легенду, стал Ю. Ю. Марти. Такая мистификация, чтобы отвести от себя подозрения.

Тут стоит посмотреть, а как отнесся к потере сокровищ сам Ю. Ю. Марти? Оказывается, абсолютно равнодушно, как будто их и не было вовсе. Он горевал не о золотых и серебряных артефактах, как следовало ожидать, а о гибели архива и материалов научных исследований.

В письме от 1946 года коллеге в Москве ученому А. П. Харко он пишет: «Нет уже тех богатств, которые были найдены и сохранены во время моего управления Керченским музеем (судя по всему, он имеет в виду только «Готский клад»)». Дневники, записи и прочие научные документы, очевидно, пропали безвозвратно. И это — страшнейший удар по моему музею! Потеря всех дневников — невозвратимый урон! И ни слова об огромной массе утерянных сокровищ мирового значения, о которых все только и говорят. Удивительное для археолога безразличие, очень похожее на реакцию какого-нибудь завскадом на сообщение об ограблении его склада. Чего переживать и отчаиваться, когда он сам все из него украл заранее?

Из всего вышеизложенного становится понятно, что никаких пудов ценностей, как в пещере Аладдина, в довоенном музее Керчи не существовало, а рекламируемые находки середины 1920-х годов были немногочисленны и на коллекцию мирового масштаба явно не тянули. Однако люди, заинтересованные в сокрытии своих махинаций с антиквариатом в лихое время, грамотно пустили миф об их исчезновении. И наивные исследователи, не обладающие критическим мышлением, стали строить на нем свои фантастические гипотезы, мороча голову массам.

Вот, собственно, и вся тайна пропавших Керченских «сокровищ». А вы еще в них верите?

ПОЛПОЛУШКИН

Участник проектов



Auction.ru
ПОСРЕДСТВО ПРОДАЖИ

Азбука
КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ

ЗНАМЯ
КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ

Монеты, иконы, книги, столовое серебро и фарфор Российской Империи. Продажа, покупка, комиссия, экспертная оценка, консультации, проведение аукционов, семинаров и образовательных лекций.

Москва, Щелковское шоссе, д. 3, стр. 1, павильон 236 «ПОЛПОЛУШКИН»
+7 905 774 65 54 (WhatsApp консультации 24 часа)
inst:@auc.polpolushkin

Неразведанные секреты



В клуб к нам однажды женщина пришла, у которой клад на участке нашли — золотые николаевские монеты. Нашли десятка полтора, не сразу, одну сначала, потом вторую, и продолжали находить какое-то время, и все рядом с выгребной ямой. Ясно, что основной клад — под ямой, но как его достать? Как это выгребать? Говновозку вызовешь, откачаешь, а потом-то что? Все равно же жижка останется. Так там эти золотые десятки и лежат, под сортиром... Причем недалеко, в Московской области.

Или вот, селище есть, начиная с домонгола, кончая ранними Советами, распаханно. А посреди селища — кирпичный сводчатый подвал и вход в глубину заваленный. Откуда он там, сводчатый, краснокирпичный? Церкви здесь не было. Так и остался не обследованный, и что дальше за этими сводами — никто и не знает.

Или вот, Заиконоспасский монастырь, прямо на Никольской, рядом с Кремлем. Кто-то из батюшек нас пригласил, они расчищали свои подвалы, где хранили картошку, и в стене обнаружили несколько мраморных надгробных досок с могилами монахов. Начали раскапывать, и в стене, обращенной к Кремлю, метров триста практически до него, обнаружился полукруглый свод из белого камня — подземный ход, большой, на мотоцикле проехать можно! Мы прокопали метров пять, ничего интересного не нашли, так, чешуйки, крестики, а дальше пошли кирпичные завалы, и бросили мы это дело.

Там же, на задворках, у них участок тоже есть сводчатый — ливневая канализация XIX века, такая канава метра два в глубину, а кое-где — проломы. Спустились мы в них, там монетки собирали. Я нашел карманные часы какого-то ударника-метростроевца. Серебряные, сгнившие все, конечно, только корпус остался.

Запоминай, может, сам когда разведаете...



Новый старый тип в классификации решетчатых перстней

Сергей Тулупов



Решетчатые перстни, как и семилопастные височные кольца, принято считать «визитной карточкой» древних вятичей. Они были излюбленным украшением вятичских женщин. Находки их многочисленны как в погребениях, так и в культурном слое на поселениях. Стоит отметить, что для мужских погребений решетчатые перстни не характерны, а в женских они встречаются до десяти штук на пальцах обеих рук. Часто эти украшения находят в погребениях, куда они были положены в качестве даров. Такие перстни могут быть в связках или берестяных коробах. Типология древнерусских перстней разработана достаточно полно, но в некоторых случаях необходимы корректировки.

В сборнике ГИМа от 2014 года «Славяне и иные языцы...», приуроченном к юбилею Н. Г. Недошивиной, была опубликована статья М. И. Гоняного «Находки вятического круга древностей конца XII–XIII в. на сельских археологических памятниках бассейна верховьев Дона», где был атрибутирован решетчатый перстень как крестовиковый, вариант типа XVIII (стр. 87, рис. 4) (1).



Рис. 1. Фрагмент из книги «Славяне и иные языцы...»

У А. В. Арциховского в его фундаментальном труде «Курганы вятичей» (2), на который ссылается М. И. Гоняный, этот тип перстня на стр. 75 описан так:

«Тип VIII. Крестовиковые (7). Рис.64.

Перстни эти имеют прорезь из кружков и треугольников, расположенную так, что на фоне ее остается крест в центре перстня, ободок кругом креста и лучи во все стороны от креста, пересекающиеся линиями, параллельными ободку. Такие перстни можно назвать крестовиковыми. Они встречены только в вятической земле и опубликованы в рисунках Н. И. Булычевым».



Рис. 2. Фрагмент из книги «Курганы вятичей»

У М. И. Гоняного в «Славяне и иные языцы...»:

«...перстни подобной формы правомерно называть крестовиковыми двухрядными и выделять как вариант типа VIII.

К другому варианту этого же типа можно отнести перстень, у которого щиток сверху вниз разделен вертикальной перегородкой, от которой влево и вправо отходят по три узких отверстия прямоугольной формы, в результате чего получается фигура, напоминающая крест (рис.8, 4). Крестообразная композиция по периметру окружена небрежно выполненными отверстиями треугольной формы, напоминающими прорези на зигзаговых перстнях. Единственный экземпляр такого изделия обнаружен на селище Устье-2».

Определять перстень как вариант типа VIII ошибочно. Единственное, в чем тут можно согласиться с выдающимся археологом, так это в том, что перстень верно отнесен к отделу решетчатых. К крестовиковому типу и его вариантам рассматриваемый нами перстень никакого отношения не имеет. Чтобы в этом убедиться, просто посмотрим на него с другого ракурса, и начнем с того, что прорисовка и описание крестовикового перстня (рис. 3.1) в «Курганах вятичей» не совсем корректны.

Нельзя игнорировать особенность архитектуры орнамента типа VIII. Значит, нужно разобрать его заново. В прорисовке центральная фигура в виде креста включена в ромб (визуально создается именно такое впечатление), где над каждым его лучом по две прорези треугольной формы (2). На самом деле это даже не ромб, а узел в виде неправильной широкосрединной восьмерки с тремя кольцами. Крест, в свою очередь, заключен в широкую среднюю часть кольца этой самой неправильной восьмерки/узла. На сегодняшний день известны десятки перстней и их фрагментов этого типа. Один из экземпляров находится на постоянной экспозиции в ГИМ на стенде с вятичскими древностями.





Рис. 3. Перстни вятичей на постоянной экспозиции в ГИМе.
Фото автора



Рис. 4. Фрагмент перстня. Место обретения неизвестно



Рис. 3.1. Тип VIII



Рис. 5. Фрагмент перстня из частной коллекции. Место обретения неизвестно

Теперь обратимся непосредственно к объекту исследования. В научной статье, где описан и опубликован перстень (1), авторы, по всей видимости, всегда располагали и проецировали его горизонтально. Однако ключ к расшифровке орнамента кроется в его вертикальном положении. Если повернуть перстень на девяносто градусов влево или вправо, то легко угадывается композиция-перевертыш из двух пар орнитоморфных фигур. Одна пара птиц стоит на горизонтальной поверхности в форме валика, их клювы соприкасаются, а вторая пара птиц зеркальна первой и соответственно расположена кверху ногами. Этот новый тип в своем роде уникален. Он является единственным известным на сегодня сюжетным среди решетчатых перстней вятичей. На момент начала написания статьи автору было известно не более пяти экземпляров этого нового орнитоморфного типа. В процессе работы над ней добавилось еще четыре. Поэтому нельзя исключать существование ранее неизвестных вариантов. Все известные автору перстни нового типа отлиты в медном сплаве и имеют утраты разной степени, кроме одного целого, имеющего деформацию пластины.

Предлагаю ввести в научный оборот новый тип вятских решетчатых перстней — ОРНИТОМОРФНЫЕ.

Коллекционная ценность.

На сегодняшний день орнитоморфный тип все еще является редким. Разновидности (варианты) неизвестны, в отличие от тех же массовых зигзаговых перстней, у которых различается и архитектура орнамента, и убранство в целом.

Сюжет.

Эта композиция нам очень хорошо известна из домонгольских памятников Древней Руси. Она встречается на рельефах Дмитриевского собора¹ во Владимире, на медальоне из старорязанского клада² и много еще где. Все эти памятники синхронны времени бытования решетчатых вятских перстней — XII-XIII вв.

Композиция с двумя птицами в фольклоре имеет мировое распространение. Легенда о сотворении мира птицами сохранилась частично как в украинских колядках, так и в русских духовных стихах.



Рис. 6. Медальон из старорязанского клада

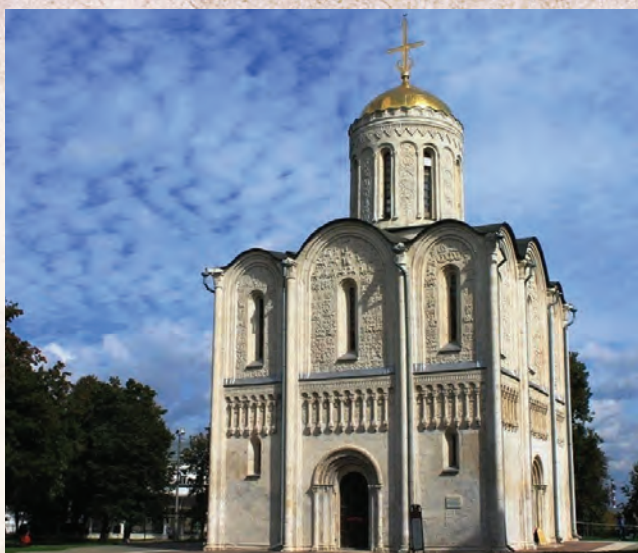


Рис. 7-9. Дмитриевский собор во Владимире и его рельефы, кон. 12 в.

Обретая государственность, Древняя Русь вливалась в общий культурный круг Византийской империи и других государств Европы, находящихся под влиянием культуры величайшей империи средневековья. Славяне не были исключением, и, учитывая развитие их культуры со времени великого переселения народов, многие образы римской культуры были ими хорошо усвоены и адаптированы к нуждам славянской культурной традиции. Поэтому в период двоеверия, после принятия христианства, наблюдается большое сходство символических образов как в образцах византийского христианского искусства, так и в символике славянской языческой религии (3).

Что же касается сюжета с двумя птицами, то его



Рис. 10. Изображение на неолитической сузской керамике (взято из: Perrot N. Les representation de l'Arbre Sacré sur les Monuments de Mesopotamie et d'Elam. P., 1937)



Рис. 11. Фрагменты перстней из Смоленской обл.



Рис. 12. Деформированный перстень из Тверской обл.

можно считать вариантом трехчастной композиции с двумя птицами и деревом. Этот сюжет известен с глубокой древности в памятниках Древнего Востока, в частности, в неолитической сузской керамике (4).

В процессе работы над этой статьей участники группы «Перстень и Печать» в социальной сети «ВКонтакте» и ТГ-канала Rings.guru предоставили мне ценную информацию и фотографии, которые были необходимы для статистического анализа и каталогизации вятичских решетчатых перстней орнитоморфного типа. Автор выражает благодарность участникам интернет-сообществ кладоискателей: Потёмкиной Алёне (никнейм Spirit), Манаенкову Игорю.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Славяне и иные языци... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной. Труды ГИМ. Вып. 198. М., 2014.
2. Арциховский А. В. Курганы вятичей. – М., 1930.
3. Культурное влияние Византии на Киевскую Русь в X–XII веках, Алхалед Назех.
4. Дерево – Дом – Храм в русском народном искусстве. И. М. Денисова.

¹ Действующий православный храм во Владимире, возведенный Всеволодом Большое Гнездо на княжеском дворе и освященный в честь великомученика Димитрия Солунского. По Николаю Воронину, построен в 1194–1197 годах; по летописным данным, обнаруженным в 1990-х годах Татьяной Тимофеевой, – в 1191 году.

² Клад, найденный 31 июля 2005 г. на городище Старая Рязань. В состав клада входят шедевры древнерусского ювелирного ремесла.



СТАРИННЫЕ РУССКИЕ ИКОНЫ
сеть антикварных интернет салонов

1939.ru

kupistarinu.ru

ofena.ru

Самый широкий выбор настоящих старинных икон и антиквариата по самым доступным ценам!

Онлайн заказ, Офис продаж в Центре Москвы, доставка по Москве и по всей России.

Рыбаков Владислав Михайлович (07.10.1939 – 07.02.2025)

7 февраля 2025 года не стало Владислава Михайловича Рыбакова, отца ДОСа и постоянного спонсора слетов поисковиков и новогодних встреч клуба поисковиков и коллекционеров альманаха «Деньга».

Владислав Михайлович родился в Москве, в районе Хамовники. После окончания средней школы поступил в авиационный техникум. Срочную службу проходил в ВВС СССР. После службы работал на авиационных заводах «Салют» и «Союз». Хорошо знаком участникам

слетов, проходивших в московском регионе и под Боровском в 2006–2019 годах как один из организаторов этих мероприятий. С 2018 года выступал спонсором наших слетов и новогодних встреч, предоставляя в качестве призов иконы и шкатулки собственной работы, которые мастерил сначала из металла, а позже из дерева.

Владислав Михайлович всегда интересовался нашим хобби и поддерживал дружбу с поисковиками.

Светлая память!



SCORE

МУЛЬТИЧАСТОТНОСТЬ ДЛЯ ВСЕХ

"СЛИШКОМ **ХОРОШЕЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ**,
ЧТОБЫ ОТ НЕГО ОТКАЗАТЬСЯ!"



SMF

• ОДНОВРЕМЕННАЯ •
МУЛЬТИ
ЧАСТОТНОСТЬ

2 мульти частоты
3 одиночные частоты
4*/15/20* кГц

РЕЖИМЫ
ПОИСКА:

Парк
Поле
Пляж
Реликвии*

IP68

водонепроницаемость
до 5 м

TRIPLE SCORE PRO PACK включает 2 катушки
и Bluetooth наушники

TRIPLE
SCORE PRO PACK



НОВИНКА



* При покупке Nokta TRIPLE SCORE

"МУЛЬТИЧАСТОТА, ДОСТУПНАЯ ВСЕМУ МИРУ!"

Официальный дистрибьютор Nokta
в Российской Федерации
117246, Москва, Научный проезд, д. 19, пом. 45

РЕЙКОМ
ГРУПП

(495) 778 98 68
SALES@REICOM.RU
WWW.NOKTA-MAKRO.RU

Nokta
DETECTION TECHNOLOGIES

НОВЫЙ скоро в продаже!

VORTEXTM

VX9

MD-MF
технология

до 5 м
водонепроницаемый

Официальный дистрибьютор GARRETT
в Российской Федерации
117246, Москва, Научный проезд, д. 19, пом. 45

 **РЕЙКОМ**
ГРУПП

(495) 778 98 68
SALES@REICOM.RU
WWW.GARRETT-HOBBY.RU

GARRETT[®]